

РУСЛАН
СКРЫННИКОВ

ДУЭЛЬ ПУШКИНА

ЧТО ПРИВЕЛО
К ТРАГЕДИИ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Руслан Григорьевич Скрынников

Дуэль Пушкина.

Реконструкция трагедии

Серия «Документальный триллер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67918692

*Дуэль Пушкина. Реконструкция трагедии. / Скрынников Р. Г.: Родина;
Москва; 2022*

ISBN 978-5-00180-587-8

Аннотация

27 января 1837 г. Пушкин был смертельно ранен на поединке поручиком Кавалергардского полка Жоржем Дантесом. История этой дуэли окутана плотной пеленой мифов и легенд. Справедливо ли мнение, будто его погубил чудовищный заговор, в котором участвовала императорская фамилия и высший свет? Верно ли, что гений Пушкина в конце блистательного поприща пришёл в упадок? Он пережил тяжёлую семейную драму, усугублённую многими бедами. Поэт не мог вынести притеснений цензуры, был лишён возможности распорядиться своей жизнью и покинуть столицу, был удручён долгами. У Пушкина не осталось иного выхода, кроме поединка, и таким путём он свёл счёты с жизнью? Или всё было иначе? На эти и другие вопросы отвечает

известный отечественный историк, ученый с мировым именем
Руслан Григорьевич Скрынников.

Содержание

Введение	6
Часть I	8
Отъезд из Михайловского	8
Поэт и царь	18
Литературная беседа	25
Цензурные вериги	31
Династия и реформы	54
В сетях III Отделения	63
Поднадзорный	77
Пушкин и Булгарин	86
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Руслан Скрынников Дуэль Пушкина. Реконструкция трагедии

© Скрынников Р. Г., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Введение

27 января 1837 г. Пушкин был смертельно ранен на поединке поручиком Кавалергардского полка Жоржем Данте-сом. Гибель поэта была величайшей трагедией для русской культуры.

История дуэли Пушкина окутана плотной пеленой мифов и легенд. Строго установленные факты тонут в массе догадок и гипотез. По сей день не утратило значения замечание о том, что творчество поэта изучено значительно глубже и полнее, нежели его биография. Но Пушкин-гений и Пушкин-человек, его творчество и жизнь – неразделимы, образуют одно целое.

Правда ли, что трагедия поэта была трагедией мученика, жертвы неодолимых обстоятельств? Справедливо ли мнение, будто его погубил чудовищный заговор, в котором участвовала императорская фамилия и высший свет? Верно ли, что гений Пушкина в конце блистательного поприща пришёл в упадок? Многие заметили, что поэт стал утрачивать популярность. Он пережил тяжёлую семейную драму, усугублённую многими бедами. Поэт не мог вынести притеснений цензуры, был лишён возможности распорядиться своей жизнью и покинуть столицу, был удручён долгами. У Пушкина не осталось иного выхода, кроме поединка, и таким путём он свёл счёты с жизнью? Или всё было иначе?

То обстоятельство, что Пушкин стоял у колыбели национальной литературы, определило особое место литературного творчества в истории русского общества, в истории России в целом. Литературоведение неизбежно оказывается тесно связанным с историческими разысканиями. Эта книга написана с одной целью: уточнить некоторые факты и подробности биографии Пушкина, имеющие существенное значение для воссоздания истории его гибели.

Исследование не могло быть ограничено рамками двух-трёх последних лет жизни поэта. Слишком много нитей связывало эти годы с предыдущим периодом.

Часть I

Возвращение из ссылки

Отъезд из Михайловского

Пушкин и его поколение по справедливости считали себя детьми 1812 года. На их глазах армии Наполеона вторглись в Россию и сожгли Москву дотла. Война принесла бедствия и разорение стране, но она принесла народу также и нравственное возрождение. Нашествие наполеоновской армии завершилось её гибелью. Русские войска прошли по всей Европе и заняли Париж. Империя Наполеона пала.

Молодые дворяне, участвовавшие в западных походах, увидели Европу, прошедшую через огонь и кровь революции. Самодержавные порядки и крепостничество, прежде казавшиеся им незыблемыми, превратились в их глазах в главную помеху благоденствию России. Страна, переживавшая огромный подъём после победы в Отечественной войне, жила в ожидании реформ. Но преобразования явно запаздывали.

В 1815 г. в России образовались первые конспиративные общества, ставившие своей целью государственный переворот. Пушкин был близок к заговорщикам. Его вольнолюбив-

вые стихи воодушевляли их. Однако его попытки вступить в тайные общества неизменно наталкивались на отказ.

При Александре I Пушкин был выслан из столицы в южные губернии, а затем изгнан со службы и отправлен на жительство в своё имение, село Михайловское на Псковщине. Там он провёл более двух лет.

Оторванный от центров интеллектуальной жизни, насильно отправленный в захолустье, поэт, казалось бы, обречён был на прозябание. Но период михайловской ссылки оказался одним из самых плодотворных в биографии молодого Пушкина. Поэму «Евгений Онегин» – «роман в стихах» – считают его главным творением. Основная часть «энциклопедии русской жизни» была написана в Михайловском. Там же Пушкин начал и закончил трагедию «Борис Годунов», шедевр русской и мировой литературы.

И всё же Пушкин воспринимал жизнь в деревенской глуши как досадную несправедливость. Лишённый возможности общаться с друзьями и собратьями по перу, с блестящим светским обществом, поэт испытывал горечь и досаду.

Человек, ранее известный узкому кругу лиц, превратился в признанного мастера. Москва и Петербург были покорены его стихами. Поэт стал кумиром двух столиц, а равно и всей образованной и читающей России. Но он не мог покинуть деревню и принуждён был довольствоваться лишь обществом соседей по поместью. Возникла драматическая ситуация.

Изверившись в возможности добиться освобождения,

Пушкин стал готовиться к бегству из России. Он предполагал выехать в Дерпт для лечения у тамошних врачей, а оттуда на корабле отплыть из своего отечества. 27 мая 1826 г. поэт известил друга – князя Петра Вяземского о своих тайных замыслах. «В 4-й песне „Онегина“, – писал он, – я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтёшь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нём дарование приметно – услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится – ай да умница»¹.

Князь Пётр Андреевич Вяземский (1792–1878) – русский поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист, государственный деятель. Сооснователь и первый председатель Русского исторического общества (1866). Близкий друг и постоянный корреспондент А. С. Пушкина. Портрет работы П. Ф. Соколова, 1824 год

Ссылка в Михайловское помешала Пушкину принять участие в восстании декабристов. Николай I железной рукой подавил мятеж в армии и предал его вождей суду. Главные руководители тайных обществ были повешены, прочие сосланы на каторгу в Сибирь.

Следствие по делу о мятеже скомпрометировало Пушкина. Весной 1826 г. он ездил в Псков и 11 мая дал подписку о неучастии в тайных обществах, какую давали по всему государству служилые и отставные дворяне в соответствии с царским рескриптом от 21 апреля 1826 г. Пушкин подписал надлежащий текст без изменений.

Следствие подтвердило, что поэт не был членом тайных обществ. При таких обстоятельствах он решил возобновить хлопоты об отъезде на лечение, не приведшие к успеху в царствование Александра I.

В двадцать шесть лет Пушкин страдал расширением вен, что и послужило предлогом для обращения к властям. Слухи о тяжёлой болезни поэта, о том, что без операции он не проживёт и трёх лет, тревожили столицу².

Пушкин рассчитывал добиться от нового царя полного прощения. Камнем преткновения было покаяние без которого об освобождении нечего было и думать. Ещё в феврале 1826 г. Плетнёв представил Пушкину формулу, которая заключала в себе отказ от старых заблуждений и в то же время сохраняла за ним право на свободную мысль: «оставляя при себе образ мыслей твоих, на кои никто не имеет никакого права, не думаешь играть словами никогда, которые бы противоречили какому-нибудь принятому порядку»³.

План друзей состоял в том, что поэт составит письмо, которое Жуковский мог бы показать императору. «Изгнанник» составил требуемое письмо, в котором дословно повторил формулу Плетнёва. «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости», — писал он в послании Жуковскому от 7 марта 1826 г. Однако события развивались в неблагоприятном направлении. 12 апреля 1826 г. Жуковский сообщил Пушкину: «В бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ помириться с правительством»⁴.

Покаянное послание поэта не удовлетворило Жуковского. Он сделал резкий выговор другу, а его письмо назвал «безрассудным», т. е. непригодным для того, чтобы показать государю. В июне Пушкин сочинил требуемое прошение на имя Николая I. Он обращался к самодержцу «с надеждой на

великодушные» его «императорского величества, с истинным раскаянием и с твёрдым намерением не противуречить моими мнениями общеприятному порядку (в чём и готов обязаться подпискою и честным словом)»⁵. Пушкин просил разрешить ему покинуть места ссылки и выехать для лечения в Москву, Петербург или за рубеж.

Псковский губернатор фон Адеркас ценил литературу и сам пописывал стишки, которые давал для исправления Александру Сергеевичу. 19 июля по его распоряжению инспектор врачебной управы составил свидетельство о болезни Пушкина (расширение вен на правой голени). В тот же день Адеркас препроводил документы губернатору остзейских провинций маркизу Пауллуччи, который 30 июля отослал бумаги царю.

Момент был выбран не слишком удачно. В июне 1826 г. власти получили донос на Пушкина. Приехавший из Пскова генерал П.С. Пущин рассказывал знакомым, что на Псковщине крестьяне волнуются, ожидая вольности, что поэт посещает местную ярмарку в крестьянской одежде и пр. Тайный агент истолковал эти рассказы генерала как указание на то, что Пушкин «возбуждает к вольности крестьян». Сразу после завершения суда над декабристами власти послали во Псков одного из самых опытных секретных агентов А.К. Бошняка с фельдъегерем. В случае подтверждения доноса агент должен был арестовать поэта и увезти его под конвоем⁶.

Под видом «путешествующего ботаника» Бошняк объехал окрестности селца Михайловского и добросовестно собрал сведения о поведении ссыльного. Среди соседей были не одни приятели, но и недоброжелатели поэта. Но все они в один голос подтвердили, что он ведёт себя благонамеренно и ни в каких антиправительственных поступках не замечен.

Бошняк надеялся получить необходимые ему сведения в усадьбе генерала Пущина. Но и генерал, и его домочадцы отвергали всякие сомнения насчёт благонамеренности Пушкина. Они заявили: «...нельзя предполагать, чтобы он имел действительные противу правительства намерения, в доказательство чего и основывались на непричастности его к заговору. ...он столь болтлив, что никакая злонамеренная шайка не решится его себе присвоить...»⁷

Браня поэта, Пущины указали его характерную черту – редкое простодушие и доверчивость.

Конспираторы не доверяли Пушкину не из-за его болтливости. Поэт обладал даром угадывать в людях способности. Талантливые люди легко завоёвывали его дружбу и доверие, независимо от их политических пристрастий. Среди его друзей консерваторов было не меньше, чем революционеров, и писал он не только вольнолюбивые, но и верноподданические стихи. Напомним, что авторами слов к гимну Российской империи «Боже, царя храни!» были Пушкин и Жуковский. После куплета «Боже, царя храни!» следовало:

Так – громкой славою,
Сильной державою
Мир он покрыл —
Здесь безмятежною
Сенью надежною,
Благостью нежною
Нас осенил⁸.

Первый куплет сочинил Жуковский, два куплета (приведённые выше) – лицеист Пушкин.

Бошняк произвёл розыск и установил, что Пушкин посещал ярмарку местного монастыря, одевшись в крестьянскую рубаху с алым кушаком и в соломенной шляпе, но при этом ничего крамольного не совершал⁹.

Решившись «искать истины при самом источнике, то есть в Святогорском монастыре», Бошняк задал игумену Святогорского монастыря вопрос в лоб: «...не возмущает ли Пушкин крестьян?». Игумен Иона отвечал кратко и точно: «Он ни во что не мешается и живёт, как красная девка»¹⁰.

Тайным надзором за Пушкиным руководил начальник Главного штаба И.И. Дибич. 1 августа 1826 г. Бошняк подал записку о Пушкине генералу Витту, а тот передал её Дибичу. 28 августа утром Николай I выслушал доклад Дибича, представившего все собранные материалы о ссыльном.

Псковский губернатор Адеркас доносил, что поведение Пушкина очень хорошее, генерал-губернатор Паулуччи –

что поведение хорошее. Тайный агент подтверждал, что поэт ведёт себя, как красная девка. Судьба Пушкина решилась, как можно полагать, уже утром 28 августа во время доклада Дибича. Последний получил распоряжение «призвать Пушкина сюда», «не в виде арестанта»¹¹.

Поэт и царь

8 сентября 1826 г. фельдъегерь, – рассказывал Пушкин знакомым, привёз его «по почте в Москву, прямо в Кремль и всего в пыли, ввёл... в кабинет императора, который сказал: „А, здравствуй, Пушкин...“»¹²

Приведённый отрывок принадлежит к числу хрестоматийных. Он заимствован из мемуаров А.Г. Хомутовой и, по видимому, носит вполне легендарный характер. По приезду в Москву Пушкин был препровождён не в кабинет к царю, а в комнату к дежурному генералу Потапову, а оттуда к генералу Дибичу в Чудов монастырь в Кремле, где провёл несколько часов¹³.

Пока царь был занят делами и обедом, Пушкин беседовал с Дибичем. Беседа оставила хорошие воспоминания. Поэт упомянул о генерале в неоконченных стихах «Ты просвещением свой разум осветил»¹⁴.

Наибольшее впечатление на привезённого из ссылки произвело, надо думать, не красноречие генерала, а его сообщение о том, что царь склонен его простить. Новость положила конец томительному ожиданию. В кабинет царя Пушкин явился окрылённым, что сказалось на ходе беседы. Напряжение спало.

После отдыха Николай I принял Пушкина в своём каби-

нете и долго беседовал с ним с глазу на глаз.

Портрет Николая I. Художник Джордж Доу (1828)

О чём говорили между собой опальный поэт и самодержец? Направление беседы с царём было predetermined прошением Пушкина о дозволении ему лечиться у столичных врачей¹⁵. 8 сентября перед Николаем I предстал человек, удручённый болезнью. «Я впервые увидел Пушкина, – рассказывал монарх в 1848 г., – в Москве... после коронации, куда его привезли ко мне из его заточения, совсем больного и в ранах...»¹⁶

В прошении поэт писал, что надеется «на великодушие» императора и относится к прошлому «с истинным раскаянием...» Всё это определило тон беседы. Николай I видел перед собой раскаявшегося больного человека и был отменно любезен. Он должен был рассмотреть поданное прошение и объявить свою волю. Ответ был удовлетворительным. Пушкин получил разрешение остаться для лечения в Москве. Неделю спустя после свидания Пушкин извещал друзей: «Государь принял меня самым любезным образом»¹⁷. В самом начале 1826 г. поэт писал друзьям: «Моё будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства etc.»¹⁸. Обхождение императора с опальным поэтом превзошло всё, на что последний мог рассчитывать.

Самодержец разговаривал с Пушкиным наедине, а потому вполне надёжными можно считать лишь сведения, получен-

ные из первых рук. Когда Николай I, как он сам рассказывал М. Корфу, спросил Пушкина между прочим, что бы он сделал, «„если бы 14 декабря был в Петербурге?“ – „Был бы в рядах мятежников“, – отвечал он не запинаясь»¹⁹.

Краткое и энергичное заявление соответствовало характеру Пушкина. Оно бросало тень на одного лишь говорившего²⁰.

Друзья настоятельно советовали Пушкину добиваться от царя прощения. Отвечая им, он писал: «...я желал бы вполне и искренно примириться с правительством». До казни декабристов он верил, что может «условиться с правительством (буде условия необходимы)»²¹. После казни декабристов эти надежды поколебались. Однако царское прощение изменило всю ситуацию²².

Центральное место в прощении Пушкина занимали слова о том, что он раскаялся и не намерен «противуречить моими мнениями общеприятному порядку». Вопрос о полном отказе от антиправительственных мнений был делом совести, и поэт его не касался. Император потребовал разъяснений. Разговор вступил в критическую фазу. Николай I описал этот момент подробно и вполне беспристрастно: после прямого вопроса Пушкину: «переменился ли его образ мыслей и даёт ли он мне слово думать и действовать впредь иначе, если пушу его на волю... он (Пушкин. – *Р.С.*) очень долго колебался и только после длительного молчания протянул мне руку

с обещанием сделаться иным». Самодержец требовал изменить образ мысли, т. е. взять на себя обязательство думать так, как угодно правительству. С этим и были связаны колебания поэта. То, что подданный долго молчал, прежде чем ответить императору, было невежливостью, даже дерзостью с его стороны.

Рассказ Николая I имеет документальное подтверждение. Вскоре после беседы Бенкендорф уведомил Пушкина, что его величество «не сомневается в том, что данное русским дворянином государю честное слово вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле сдержано»²³. Так истолковал император обязательство поэта «быть иным». Оно означало «вести себя благородно и пристойно», т. е. касалось внешнего поведения, но не образа мысли.

Николай I был доволен результатами беседы с Пушкиным. Монарх был уверен, что ему удалось завоевать симпатии поэта, и его впечатление не было ошибочным. Подданный покинул его кабинет с глазами, полными слёз.

Николай I, как можно догадаться, не только требовал от Пушкина полной откровенности, но и сам не скрывал от собеседника трудностей своего положения и своих тревог. Именно это порождало у собеседников чувство полного взаимопонимания.

Польский поэт А. Мицкевич встретил Пушкина в Москве в октябре 1826 г., и они стали друзьями. В 1837 г. Мицкевич опубликовал в Париже заметку, в которой воспроизвёл рас-

сказ Пушкина о встрече с царём после коронации. Заметка относится к числу ранних документов, заслуживающих доверия. По словам Мицкевича, во время беседы «царь почти извиняется перед Пушкиным в том, что завладел троном... он оправдывался, поощрял поэта писать...»²⁴

Николай I никогда не забывал о том, что его дед и отец умерли насильственной смертью, были убиты дворянами-заговорщиками. В дни мятежа 14 декабря та же участь грозила ему самому и членам его семьи. Сетования царя не были лицемерными.

Литературная беседа

Полагают, что уже при первой встрече Пушкин заговорил с царём о Петре и помог ему найти маску и приноровиться к новой для него роли монарха – наследника престола²⁵.

Однако Николай I был членом царствующей династии, и вряд ли ему нужны были подсказки насчёт роли. Что касается Петра Великого, просвещённые Романовы всегда поддерживали его культ.

Считают, что одной из главных тем беседы были реформы, необходимые России²⁶. Но едва ли это справедливо. Напомним, что Николай I вёл долгие беседы о реформах и с подследственными декабристами. Пушкину надо было доказать свою лояльность трону, а потому ему следовало избегать опасных сюжетов.

О чём же говорили поэт и царь? Не следует фантазировать на эту тему. Более надёжный путь – поискать опору в источниках, в переписке поэта. Ещё в 1825 г., убеждая Пушкина обратиться к государю за прощением, друзья старались подыскать доводы, которые бы подействовали на монарха.

В сентябре 1825 г. Жуковский советовал Пушкину создать бессмертное творение – сочинить драму о Годунове, чтобы дать друзьям возможность поправить судьбу ссыльного. Слова друга запали в голову поэта. 6 октября 1825 г.

он отвечал Жуковскому: «... жадно принимаю твоё пророчество; пусть трагедия искупит меня...» 7 ноября 1825 г. Пушкин оповестил обо всём Вяземского: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию...» Жуковский повторил свой совет после восшествия на трон Николая I: «Пиши Годунова и подобное: они отворят дверь свободы...»²⁷

Советы Жуковского подготовили Пушкина к беседе с Николаем I в Чудовом монастыре 8 сентября 1826 г.

В Михайловском Пушкин закончил одно из лучших своих творений. Впечатления переполняли его. Он не сомневался, что трагедия «Борис Годунов» вызовет интерес царствующей фамилии: драма ярко живописала историю Смуты, приведшей на трон бояр Романовых.

В письмах к друзьям, хлопотавшим за него, поэт неизменно подчёркивал, что описал Смуту, следуя «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Своими письмами Пушкин старался доказать, что во всём следовал взглядам придворного историографа. Когда его спрашивали о плане «Бориса Годунова», он отвечал: «Ты хочешь плана? возьми конец десятого и весь одиннадцатый том („Истории“ Карамзина. – *Р.С.*), вот тебе и план»²⁸. В августе 1825 г. Пушкин писал Жуковскому: «Что за чудо эти 2 последних тома Карамзина! какая жизнь!..»²⁹

Талантливым современникам суждена была особая роль в формировании гения Пушкина. «Он, – писал о Карамзине

П.В. Анненков, – имел свою долю влияния на Пушкина, как почти каждая замечательная личность, встречавшаяся ему на пути»³⁰.

В рассуждениях Пушкина о Смуте звучало не только восхищение трудами Карамзина, но и покаянные ноты по поводу собственных прежних либеральных взглядов. Полно мне таскать цветной колпак, – писал он друзьям и тут же благодарил Карамзина за «железный колпак» юродивого Василия Блаженного³¹. «Цветной» (красный) фригийский колпак был символом революционной Франции. Замена фригийского колпака колпаком юродивого символизировала смирение. Обращение к истории Отечества и смена головного убора внушили друзьям поэта надежду на то, что новое сочинение поможет примирить Пушкина с государем.

Беседуя с императором, Пушкин мог рассчитывать на то, что его похвалы Карамзину будут восприняты благосклонно. Карамзин пользовался несомненным уважением царской семьи. Для Пушкина ссылки на его сочинения служили как бы щитом. Уже после гибели поэта этим щитом воспользовался Жуковский. В черновых набросках письма к Бенкендорфу он так охарактеризовал образ мысли своего друга: «В суждениях политических он, как ученик Карамзина, признавал самодержавие необходимым условием бытия и безопасности России...»³²

Имя придворного историографа было на устах поэта. Ни-

колай I читал «Историю» Карамзина, как и все другие образованные люди России. Жуковскому пришла в голову поистине счастливая мысль. Он посоветовал Пушкину *представить царю* «Бориса Годунова».

Адам Мицкевич получил сведения об аудиенции в Кремле из первых рук. По словам польского поэта, «во время этой достопамятной аудиенции царь с увлечением говорил о поэзии. Это был первый случай, когда русский царь говорил с одним из своих подданных о литературе!»³³

Поэт говорил с царём не о политике, не о реформах, а о литературе, о поэзии и – прежде всего – о только что написанной драме «Борис Годунов». Пушкина переполняли впечатления, и он искал благодарных слушателей повсюду.

Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав неожиданно за полу,
Душу трагедией в углу...

Приятель Пушкина Дельвиг, получив известие о свидании в Чудовом монастыре, писал: «,...Александр был представлен, говорил более часу, и осыпан милостивым вниманием“, вот что мне пишут видевшие его в Москве»³⁴.

Современники отмечают, что Пушкин обладал удивительным даром рассказчика. Он умел увлечь и заворочить кого угодно. Николай I оказался одним из первых, кто слу-

шал рассказ поэта о недавно написанной трагедии.

Предложенная тема разговора была как нельзя более удачна. Николай I был равнодушен к поэзии, но с молодых лет увлекался театром. Всё, что касалось театральной жизни, его живо интересовало. Драму он мог обсуждать со знанием дела. Собеседники неизбежно должны были обратиться к более общим сюжетам. Эти сюжеты Пушкин обсуждал с друзьями незадолго до встречи в Чудовом монастыре. В мае 1826 г. Н.Н. Раевский писал поэту: «...вам будет суждено проложить дорогу к национальному театру...»³⁵

В глазах императора-театрала вопрос о создании национального театра имел особую важность.

Пушкин почерпнул материал для пьесы у Карамзина. Но он раскрыл трагедию Смутного времени с такой глубиной, которая была недоступна знаменитому историографу. И хотя собеседники не читали текста, а лишь разговаривали о нём, венценосец, вероятно, понял это. Именно многократные ссылки на Карамзина убедили его в том, что прежний либерал и вольнодумец превратился в верноподданного. И в тот же день 8 сентября, на балу, он сказал Д.Н. Блудову: «Знаешь, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России?»

Излагая трагедию Смутного времени, Пушкин избегал намёков на недавнее прошлое. Со своей стороны, император выразил одобрение тем, что опальный стихотворец обратился к славной истории Отечества. Отзвуком этого служили

слова, переданные через Бенкендорфа 30 сентября: «Его величество совершенно остаётся уверенным, что вы употребите отличные способности ваши на передавание потомству славы нашего Отечества...»³⁶

Цензурные вериги

Обсуждение «Бориса Годунова» неизбежно должно было привести к вопросу о цензуре. Пушкин имел все основания тревожиться, что цензура не пропустит его пьесу. С апреля 1826 г. в России стал действовать новый Цензурный устав, получивший наименование «чугунного». П.А. Вяземский был писателем и придворным и располагал хорошими источниками информации. Он советовал Жуковскому написать замечания на названный устав, чтобы добиться его смягчения. При этом он ссылался на реакцию монарха. Читая проект устава, тридцатилетний Николай I задал вопрос: «В силу этого должно ли было пропустить „Историю“ Карамзина? Отвечайте просто: да или нет?» «Они отвечали: нет! Государь приписал тут: вздор; но между тем вздор этот остался и быть по сему»³⁷. Гонения на наиболее образованную и либерально настроенную часть дворянства нарушили баланс сил в обществе и дали перевес откровенным реакционерам. Следуя их внушению, новый самодержец подписал Устав со всеми деталями, вызывавшими его личное неодобрение.

Беседуя с царём, Пушкин не скрыл своих опасений по поводу цензуры. Тогда Николай I будто бы произнёс свою знаменитую фразу: «Я буду твоим цензором!» Но так ли было в действительности? Обратимся прежде всего к показаниям участников встречи.

Рассказывая Корфу о беседе с поэтом, Николай I ни словом не упомянул о своей главной милости – учреждении личной цензуры для Пушкина. Умолчал об этом и Пушкин в самом раннем отчёте о царской аудиенции.

Доведённый до отчаяния придирками и выговорами жандармов, поэт решил объясниться с Бенкендорфом начистоту и в августе 1828 г. составил черновик письма (не отправленного адресату). «Государь император в минуту для меня незабвенную (8 сентября 1826 г. – *Р.С.*) изволил освободить меня от цензуры, я дал честное слово государю, которому изменить я не могу, не говоря уж о чести дворянина... Что касается до цензуры, если государю императору угодно уничтожить милость, мне оказанную (8 сентября 1826 г. – *Р.С.*), то с готовностью приемля знак царского гнева...» и пр³⁸. Своё письмо Пушкин начал с фразы о требовании полицмейстером с него подписки в том, «что я впредь без предварительной обычной цензуры...» Фраза не была окончена, предложение осталось без сказуемого.

Перед нами самое раннее и самое достоверное свидетельство о встрече в Чудовом монастыре, до сих пор не оценённое исследователями. Это свидетельство отличается простотой и ясностью. В нём нет и намёка на учреждение личной цензуры монарха. Царь освободил поэта от всякой цензуры, а тот дал честное слово государю, что не будет писать противоправительственных сочинений. Если государь намерен лишить его этой милости, воля его, – таков смысл письма.

Примерно в том же духе Пушкин писал 1 декабря 1826 г. приятелю Соболевскому: «Освобождённый от цензуры, я должен однакож, прежде чем что-нибудь напечатать, представить оное Выше; хотя бы безделицу»³⁹. Освобождение от цензуры было получено, а затем появилась обязанность подавать любую безделицу на просмотр монарху.

Адам Мицкевич услышал новость из уст Пушкина через месяц после аудиенции. Николай I, записал Мицкевич, «поощрял поэта к продолжению творчества, он позволил ему даже печатать всё, что ему угодно, не обращаясь за разрешением к цензуре»; царь проявил редкую проницательность: «он сумел оценить поэта; он понял, что Пушкин был слишком умён, чтобы злоупотреблять этой исключительной привилегией, и слишком благороден душой, чтобы не сохранить благодарственную память о столь необычайной милости». Такова ранняя версия, в которой нет упоминания о личной цензуре императора⁴⁰. Пять лет спустя Мицкевич прочёл в Париже лекцию о славянских литературах. На этот раз обращение царя к Пушкину было изложено им в иных выражениях: «Если ты опасаясь цензуры, – сказал он (царь. – *Р.С.*), – я сам буду твоим цензором»⁴¹. Эта версия существенно отличалась от первоначальной. Зато она полностью совпадала с молвой.

Чем объясняются противоречия в показаниях очевидцев? Можно полагать, что волеизъявление монарха допуска-

ло разные толкования. Решение царя не было заранее обдуманым и, возможно, ему не доставало определённости.

Пушкин имел частную беседу с царём и отдавал себе отчёт в том, что милостивое слово государя лишь тогда обретает плоть и кровь, когда имеет форму письменного документа. Он мог истолковать волю императора в свою пользу, но, избегая неловкости, не сообщил даже издателю о новом порядке прохождения его сочинений. М.П. Погодин, получивший в сентябре 1826 г. отрывок из «Бориса Годунова», послал текст в петербургскую цензуру обычным путём и в ноябре уведомил об этом автора⁴².

Среди друзей поэта самым осведомлённым был князь Пётр Вяземский. 29 сентября 1826 г. он писал из Москвы А.И. Тургеневу и В.А. Жуковскому: «Пушкин здесь и на свободе... Государь посылал за ним фельдгегера в деревню, принял его у себя в кабинете, говорил с ним умно и ласково и поздравил его с волею»⁴³. Сообщив друзьям о новых песнях Онегина, князь Пётр продолжал: «Государь обещался сам быть его цензором. Вот и это хорошо!» Очевидно, и Пушкин и Вяземский поначалу видели в царском повелении о цензуре не более чем благое пожелание.

30 сентября Бенкендорф обратился к поэту с пространственным посланием, в котором коснулся вопроса о цензуре. Шеф III Отделения не присутствовал на встрече, но получил информацию от императора и старался точно передать его слова: «Сочинений ваших никто рассматривать не будет; на них

нет никакой цензуры...» Изложение Бенкендорфа повторяло версию поэта: «никакой цензуры!» Никакой цензуры – значит, никакого цензора.

Однако ниже следовало разъяснение, никак не согласующееся с приведёнными словами: «...государь сам будет и первым ценителем произведений ваших и цензором»⁴⁴. Соединить два понятия – «ценитель» и «цензор» – было мудрено. Слово «ценитель» было созвучно слову «знаток», «поклонник». В «цензоре» видели «длань с карающим мечом».

Пушкин не знал, как воспринимать слова царя, – как любезность или как повеление монарха. Он был сочинителем плодовитым и не мог обойтись без частых обращений в цензуру. При всём том его муза всегда была не в ладах с цензорами. Со своей стороны монарх был завален всевозможными государственными делами и не мог реально исполнять функции цензора, что бы там ни говорилось. Надо заметить, что в представлении современников решение царя означало величайшую милость, неслыханную привилегию. Личная цензура царя означала возможность постоянного доступа сочинителя к августейшей особе, на что могли претендовать лишь немногие высшие сановники империи. Всё наводило на мысль о том, что речь шла скорее о любезности, чем о реальном распоряжении царя.

В письме Бенкендорфа царское повеление приобрело окончательный вид, исключавший двусмысленность. Его циркуляр завершался словами: «...честь имею присовоку-

пить, что как сочинения ваши, так и письма можете для представления его величеству доставлять ко мне; но впрочем от вас зависит и прямо адресовать на высочайшее имя»⁴⁵. Слова Бенкендорфа означали, что III Отделение берёт на себя роль посредника в сношениях государя со стихотворцем. Пушкин не считал себя вправе докучать царю своими делами и не воспользовался оговоркой насчёт прямого обращения к монарху.

Поэт не сразу осознал, что произошло. Место общей цензуры с её простой схемой (автор – цензор – автор) должна была занять личная цензура царя, предполагавшая сложную схему (автор – Бенкендорф – тайный рецензент из числа осведомителей III Отделения – царь – Бенкендорф – автор). Понятно, почему, беседуя со своим биографом М. Корфом, Николай I предпочёл не вспоминать о своём решении по поводу цензурных милостей, объявленных поэту. Вопрос был щекотливый.

Сразу после гибели Пушкина Жуковский в 1837 г. обратился к Бенкендорфу с гневными словами: «Государь хотел своим особым покровительством остепенить Пушкина и в то же время дать его Гению полное его развитие; а вы из сего покровительства сделали надзор, который всегда притеснителен...»⁴⁶ Жуковский ближе всех других наблюдал за развитием отношений между поэтом и властями, и именно он всего точнее уловил смысл происшедшего. Бенкендорф превратил покровительство царя в цензуру со стороны III Отде-

ления.

Адам Мицкевич полагал, что Пушкин был первым, кто пользовался свободой печати в России. Но он ошибался.

В *Записке о Н.М. Карамзине* Пушкин особо подчёркивал, что император Александр I освободил «Историю» Карамзина от всякой цензуры⁴⁷. Ни о какой личной цензуре царя в отношении Карамзина не было и речи. Николай I всего лишь следовал примеру брата, даруя Пушкину свободу от цензуры. Однако времена либерального правления прошли. После разгрома тайных обществ и казни декабристов непомерное влияние на государственные дела приобрело сыскное ведомство. Его глава Бенкендорф получил возможность манипулировать монархом.

С аудиенцией в Кремле связан любопытный эпизод. Рассказывали, будто на лестнице во дворце поэт выронил из кармана некие возмутительные стихи, которые он затем сам же и подобрал. Никто не знал в точности, о каких стихах шла речь. Соболевский называл стихотворение Пушкина «Пророк». Однако Нащокин утверждал, что Пушкин сжёг «Пророка» в Михайловском, едва узнал о вызове к императору. Оспаривая свидетельство Нащокина, Соболевский сделал помету на полях текста с его воспоминаниями: «Пророк приехал в Москву в бумажнике Пушкина». Версия Соболевского сводилась к тому, что эпизод имел место не во дворце, а в его (Соболевского) доме: «Вот где он выронил (к счастью, что не в кабинете императора) своё стихотворение на 14 де-

кабря, что с час времени так его беспокоило, пока оно не нашлось!!!»⁴⁸ Пушкин не мог посетить дом Соболевского до беседы с Николаем, так как был доставлен прямо в Кремль. Но после аудиенции он побывал у Соболевского, где уже 10 сентября, т. е. через день после царского приёма, читал «Бориса Годунова». Не вполне ясно, в какой из дней Пушкин, будучи на квартире Соболевского, успел сначала выронить стихи, а через час обнаружить пропажу. В начальной редакции стихотворение не имело названия и начиналось словами: «Великой скорбию томим»⁴⁹. Беспокойство Пушкина по поводу пропажи стихотворения связывают с тем, что оно было крамольным и заключало в себе намёки на события 14 декабря. Однако «крамолу» поэта в этом случае не следует преувеличивать. Первоначальный вариант сочинения датируется временем после казни декабристов: 24 июля – 3 сентября 1826 г. В названное время Пушкин пришёл к мысли о необходимости и неизбежности примирения с правительством⁵⁰.

Первая редакция будущего «Пророка», кажется, была уничтожена. Но поэт не мог уничтожить всех своих крамольных стихов, которые гуляли по России в списках и передавались из рук в руки.

В середине августа 1826 г. Бенкендорф получил от генерала И.Н. Скобелева текст стихов, имевших заголовок «На 14 декабря», вместе с доносом на поэта. Пушкинисты пола-

гают, что поэт имел объяснение с царём по поводу этих стихов уже во время встречи в Чудовом монастыре⁵¹. Источники рисуют иную картину.

Наблюдением за Пушкиным руководил с июня 1825 г. начальник Главного штаба генерал Дибич. В апреле 1826 г. дежурный генерал Потапов доложил Дибичу, будто Пушкин продал поэму «Цыгане» книготорговцу Слёнину. Под подозрение попал Плетнёв, переписывавшийся с Пушкиным по поводу его издательских дел. Начальник Главного штаба передал петербургскому военному губернатору П.В. Голенищеву-Кутузову личное повеление императора установить «ближайший надзор» за Плетнёвым, чтобы выяснить характер его отношений со ссыльным Пушкиным⁵². По царскому слову Дибич вызвал Пушкина в Москву.

Что касается стихов «На 14 декабря», следствие о них вёл уже не Дибич, а Бенкендорф, глава нового ведомства. (Рескрипт об образовании III Отделения был опубликован как раз 8 сентября 1826 г.) К началу сентября жандармское расследование, видимо, находилось на ранней стадии. Вопрос не созрел для доклада императору. Получив донос от Скобелева в августе 1826 г., шеф жандармов дал задание генералу уточнить, «тот ли это Пушкин, который живёт во Пскове, известный сочинитель вольных стихов? [...] Стихи сии самим ли Пушкиным переписаны? [...] Где подлинники находятся?»⁵³ На выяснение всех обстоятельств требовалось время.

Лишь заполучив нужные сведения, следователи 26 сентября вынесли решение о проведении допроса Пушкина. Бенкендорф доложил Николаю I результаты расследования и убедил его, что полное освобождение «сочинителя вольных стихов» от всякой цензуры создаёт угрозу безопасности государства. Решение о допросе было вынесено 26 сентября, а 30 сентября глава III Отделения уведомил поэта, что все его сношения с царём будут идти через него, Бенкендорфа, и что государь изволил сам взять на себя обязанности цензора сочинений Пушкина. Таким образом, формула о личной цензуре императора появилась на свет лишь через три недели после аудиенции в Кремле.

За несколько месяцев до восстания 14 декабря 1825 г. поэт написал и издал стихи «Андрей Шенье». При публикации часть строф была вымарана цензурой. Эти строфы были включены в рукописный список сочинения. Случилось так, что учитель Леопольдов дал списку заголовков «На 14 декабря». Рукопись попала в руки жандармов. Несколько молодых офицеров были обвинены в распространении стихов Пушкина и за это разосланы по полкам⁵⁴. Чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе А.Я. Булгаков в письме брату от 1 октября сообщил по поводу стихов «На 14 декабря»: «Стихи точно Пушкина; он не только сознался, но и прибавил, что они давно напечатаны в его сочинениях»⁵⁵.

Пушкин объяснил следователям, что его стихи «Андрей

Шень» обличали французскую революцию, тиранию якобинцев, а заголовок был дан произвольно, не им, а неизвестными лицами. Однако он не мог объяснить, каким образом запрещённые цензурой строфы стали широко известны в обществе.

Что бы ни говорил поэт, дело было сделано. Глава корпуса жандармов дал свою интерпретацию милости монарха и позаботился о том, чтобы фраза царя «я буду твоим цензором» стала широко известна обществу.

В своих письмах Пушкин впервые обнародовал сведения о личной цензуре царя лишь 9 ноября 1826 г.: «Царь, – писал он Языкову, – освободил меня от цензуры. Он сам мой цензор. Выгода, конечно, необъятная. Таким образом, Годунова тиснем»⁵⁶.

Поэт был растроган любезным приёмом в Кремле. Император также был доволен беседой. Ксен. Полевой писал, что после беседы Николай I обратился к окружающим со словами: «Господа, это Пушкин мой»⁵⁷. Между другими там был и министр двора П.М. Волконский, передавший царские слова: «Это не прежний Пушкин, это Пушкин раскаявшийся и искренний, мой Пушкин...»⁵⁸ В.Ф. Вяземская слышала ту же фразу из другого источника – от самого Пушкина. По её свидетельству, государь расстался с поэтом со словами: «Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин»⁵⁹. Не подлежит сомнению, что личность поэта произвела огромное впечатление

чатление на только что коронованного монарха.

Агенты III Отделения доносили, что известие о прощении царём Пушкина было встречено обществом с радостью: «Все искренне радуются, – писал один из агентов, – великодушной снисходительности императора, которая, без сомнения, будет иметь счастливые последствия для русской литературы»⁶⁰. Однако Бенкендорф и его помощники имели свой взгляд на дело. Они воспринимали освобождение поэта от цензуры как опрометчивый шаг. Пушкин был крамольным поэтом, более опасным, чем только что повешенный Рылеев. Тот обладал посредственным литературным талантом и мог оказывать лишь ограниченное влияние на умы.

Итак, на встрече в Чудовом монастыре Пушкин беседовал с монархом главным образом о новой трагедии «Борис Годунов». После беседы он получил уверенность, что ему удастся «тиснуть» пьесу. Но в дело вмешалась тайная полиция. Почта перехватила письмо московского издателя М.П. Погодина к Пушкину относительно передачи в цензуру отрывка из «Бориса Годунова» и возможного запрета публикации в петербургской цензуре. Письмо было датировано 15 ноября 1826 г.⁶¹ Бенкендорф велел начать розыск и обратился к доверенным лицам за разъяснением, кто такой Погодин и каково направление его вновь основанного журнала «Московский вестник». Из Записки, поданной Булгариным в III Отделение, следовало, что Погодин – человек с либеральным душком и таковы же его покровители Пушкин и Вяземский.

О Пушкине доносчик отозвался как о человеке, принадлежавшем к мятежникам «не по участию в заговоре, но по одинаковому образу мыслей и дружбы с главными матадорами», т. е. вождями декабристов⁶².

Донос дал Бенкендорфу повод для придинок. В письме от 22 ноября шеф жандармов потребовал от Пушкина ответа, почему он читал «Бориса Годунова» в Москве без предварительного на то разрешения и почему он оставил без ответа его первый «отзыв». По поводу «отзыва» (наставления от 30 сентября) Бенкендорф заметил: «Должен, однако же, заключить, что оный к вам дошёл, ибо вы сообщили о нём некоторым особам»⁶³. Глава сыскного ведомства дал ясно понять стихотворцу, что за ним учинена слежка и жандармерии известно каждое его слово.

26 ноября Бенкендорф направил распоряжение полковнику И.П. Бибикову в Москву: «Вы меня бесконечно обяжете, если найдёте средство получить и представить нам в копиях поэтические отрывки, которые сей последний (Пушкин. — *Р.С.*) собирается передать Погодину для публикации в его журнале»⁶⁴.

Пушкин был ошеломлён неожиданным нападением. Он полагал, что произошло какое-то недоразумение. В письме от 29 ноября 1826 г. он пытался объяснить жандарму, что читал трагедию «не из ослушания, но только потому, что худо понял высочайшую волю государя» (т. е. понял эту волю

как полное освобождение от цензуры)⁶⁵. В панике Пушкин тут же написал письмо Погодину с просьбой остановить прохождение через московскую цензуру всех его сочинений.

Александр Христофорович Бенкендорф (1782–1844) – русский государственный деятель, военачальник, генерал от кавалерии; шеф жандармов и одновременно Главный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826–1844). Художник Джордж Доу

В поведении Пушкина не было ровным счётом ничего крамольного. Это было засвидетельствовано в ответе Бибикова на запрос Бенкендорфа. Тот доносил из Москвы, что в журнале Погодина «нет никаких либеральных тенденций; он чисто литературный», что чтение драмы в Москве не могло принести вреда, так как он «из хорошего источника» знает, что «трагедия не включает в себе ничего противоправительственного»⁶⁶.

Но Бенкендорфу надо было припугнуть Пушкина. Жандармерия была новым ведомством, и ему надо было потеснить другие бюрократические учреждения, чтобы обеспечить себе поле деятельности. Ранее цензура находилась всецело под контролем Министерства народного просвещения. Новшество – личная цензура царя – на деле должна была быстро превратиться в цензуру секретной полиции.

29 ноября Пушкин направил письмо вместе с текстом «Бориса Годунова» в Петербург Бенкендорфу для передачи императору. Поэт пояснил, что посылает Бенкендорфу текст трагедии для его личного ознакомления, и просил вернуть ему трагедию для переделки. Лишь после этого он намере-

вался передать трагедию императору: «...поставляю за долг препроводить её вашему превосходительству, в том самом виде, в котором она была мною читана (в Москве. — *Р.С.*), дабы вы сами изволили видеть дух, в котором она сочинена; я не осмелился прежде сего представить её глазам императора, намереваясь сперва выбросить некоторые непристойные выражения. Так как другого списка у меня не находится, то приемлю смелость просить ваше превосходительство оный мне возвратить»⁶⁷.

Шеф жандармов передал пушкинское письмо Николаю I, и тот выразил своё удовлетворение: «Я очарован слогом письма Пушкина, и мне очень любопытно прочесть его сочинение; велите сделать выдержку кому-нибудь верному, чтобы дело не распространилось»⁶⁸.

Подчеркнём, что император был очарован слогом письма Пушкина, но не его трагедии. Можно догадаться, какие слова поэта покорили монарха: «Конечно, никто живее меня не чувствует милость и великодушие государя императора...»

Письмо дало Бенкендорфу повод не показывать государю невыправленный текст пьесы.

Пушкин напрасно ломал голову над тем, как переделать «Бориса Годунова» после просмотра текста Бенкендорфом. Высочайшая резолюция с полной очевидностью доказывала, что самодержец вовсе не собирался читать ни имевшийся в жандармском управлении, ни исправленный текст «Бориса Годунова». Ознакомившись с письмом поэта, он велел пред-

ставить в своё распоряжение «выдержку». Иначе говоря, ему нужен был не текст драмы, не рецензия на неё, а «выдержка», т. е. экстракт – пересказ пьесы.

Николай I был завален государственными делами и не питал слабости к литературе. Неудивительно, что он искал способы, которые позволили бы ему цензуровать сочинения Пушкина без затраты труда.

Государь был уверен, что может служить образцом для подданных в любом деле, и не желал предстать перед обществом в роли недобросовестного цензора, подставного лица. По этой причине Бенкендорфу наказано было привлечь «верного» человека, «чтобы дело не распространилось», т. е. не получило лишней огласки.

Просьба Пушкина просмотреть трагедию, но не показывать её царю поставила шефа жандармов в трудное положение, и он призвал на помощь своего агента – опытного литератора Булгарина. Составленная им записка не имела подписи⁶⁹.

Очень может быть, что поначалу жандармское управление заказало Булгарину отзыв, предназначенный для внутреннего использования. Иначе трудно объяснить, почему царь затребовал у жандармов «выдержку» (пересказ), а Булгарин представил Бенкендорфу развёрнутую рецензию.

Критические замечания журналиста подчинены были чётко обозначенной цели – представить трагедию как сочинение слабое, не стоящее того, чтобы его читал царь. «Литератур-

ное достоинство, – писал Булгарин, – гораздо ниже, нежели мы ожидали». Вместо того, чтобы выбрать самые яркие сцены, дающие представление о пьесе в целом, рецензент старательно выписал места, которые «непременно надо исключить».

Булгарин оценил сочинение Пушкина как подражательное: «...в сей пьесе нет ничего целого: это отдельные сцены или, лучше сказать, отрывки из X и XI тома „Истории государства Российского“, переделанные в разговоры и сцены. Характеры, происшествия, мнения, всё основано на сочинении Карамзина, всё оттуда позаимствовано». Рассуждая об изображении духовенства в пьесе, Булгарин завершал мысль словами: «...у Карамзина всё это описано вдесятеро сильнее»⁷⁰.

Парадокс заключался в том, что ссылка Булгарина на Карамзина отвечала целям Пушкина. Он сам старательно убеждал царя, что следовал «Истории» Карамзина. Таким путём он старался доказать свою благонамеренность.

Констатируя, что «дух целого сочинения монархический», Булгарин признавал, что, с учётом предлагаемых им поправок, «кажется, нет никакого препятствия к печатанью пьесы»⁷¹.

Несколько замечаний Булгарина привлекли особое внимание царя и по существу определили его реакцию на пьесу.

Рецензент выделил события междоусорствия, с описания которых начинается трагедия. Эти события напоминали о

недавних днях, последовавших за кончиной Александра I, когда Николай I притворно отказывался занять опустевший трон. Воспоминания об этом эпизоде были унижительны для самодержца.

Автор отзыва настаивал на том, что пьесу нельзя выпускать на театральные подмостки («разумеется, что играть её не возможно и не должно»), потому что появление на сцене патриарха и монахов – дело, неслыханное для России. Называя патриарха, рецензент намекал и на лицо более высокого ранга – царя. Заядлый театрал, Николай I знал, какую власть имеет театр над умами людей.

Бенкендорф позаботился о том, чтобы на стол к государю попали только «Замечания» Булгарина, с сопроводительным письмом, но никак не текст пьесы. Сопроводительное письмо Бенкендорфа подытожило отзыв Булгарина. Главный жандарм писал: «Во всяком случае эта пьеса не годится для сцены, но с немногими изменениями её можно напечатать; если Ваше Величество прикажете, я её ему (Пушкину. – *Р.С.*) верну и сообщу замечания»⁷².

В рецензии было сказано, что трагедия Пушкина местами напоминает «состав вырванных листов из романа Вальтер Скотта»⁷³. Это замечание государь воспринял, вероятно, как комплимент. Сравнение с Вальтером Скоттом показалось ему удачным, и он пришёл к мысли о том, что «комедию» Пушкина хорошо бы переделать в роман.

Глава III Отделения дипломатично сообщил поэту, что го-

сударь изволил прочесть комедию с большим удовольствием, после чего собственноручно (император. – *Р.С.*) написал: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или в роман наподобие Вальтер Скотта». В заключение шеф жандармов присовокупил: «Мне крайне лестно и приятно служить отголоском Всемиловитейшаго внимания Его Величества к отличным дарованиям Вашим»⁷⁴.

Литературные занятия были делом новым для монарха, и он явно переусердствовал в исполнении функций цензора. Трагедию, по своей глубине истинно шекспировскую, император в любезной форме советовал Пушкину поднять до уровня... Вальтера Скотта. Впрочем, в царском вердикте не было ничего обидного. Скотт добился мировой славы, и его творения ставили в один ряд с пьесами Шекспира.

9 декабря Бенкендорф сообщил поэту, что получил текст «Бориса Годунова», а уже 14-го дал знать о том, что государь якобы прочёл его творение. Более чем сомнительно, чтобы в такой короткий срок – пять дней – пьесу успел прочесть и отрецензировать сначала Булгарин, а затем и Его Величество император всероссийский.

Ответ Пушкина на предложения венценосного цензора был кратким и энергичным. «Жалею, – писал он Бенкендорфу для передачи монарху, – что я не в силах уже переделать мною однажды написанное»⁷⁵.

Поэт преподавал цензору урок, который тот должен был за-

помнить надолго. Осенью 1826 г. Пушкин читал «Бориса Годунова» в различных московских салонах. Избранная московская публика, таким образом, успела познакомиться с пьесой. Запрет шедевра был воспринят в обществе с недоумением. Благонамеренный характер сочинения был подтверждён жандармским полковником Бибиковым. Но Николай I находился под влиянием внушений Бенкендорфа по поводу возможной крамолы.

Объявление о том, что Николай I будет сам цензором сочинений Пушкина, создавало ряд трудностей в глазах бюрократии. Личная цензура предполагала частые встречи между поэтом и его цензором. Поэт должен был получить доступ к особе императора, каким пользовались лишь немногие. Жандармы нашли выход из затруднения. Бенкендорф объявил Пушкину, что все его сношения с государем будут идти через него, шефа жандармов. 6 июля 1827 г. Пушкин был вызван в III Отделение и впервые лично познакомился с его главой.

Бенкендорф имел ограниченный кругозор и не интересовался литературой. Говорить с ним на литературные темы было бесполезно. После беседы шеф жандармов писал: «Он всё таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно»⁷⁶.

У поэта сложилось собственное представление о шефе жандармов. Он стал называть прозвищем «Бенкендорф» жжёнку, которую употреблял для прочистки желудка⁷⁷.

Николай I назвал поэта умнейшим человеком, жандармский генерал – шалопаем. Очевидно, Пушкин пытался вести с главным жандармом светский разговор, исключавший всё, что напоминало бы о субординации. Запись Бенкендорфа обнаруживает, сколь мало понимал он гордый и вольный дух стихотворца.

Династия и реформы

Пушкин проявлял исключительный интерес к переворотам XVIII века и судьбам династии. На то были серьёзные причины. Сколь бы могущественной ни казалась власть самодержавного монарха, судьбу трона решало в конечном итоге благородное российское шляхетство – дворяне и гвардия.

Династия Романовых пресеклась в мужском колене после того, как сын и наследник Петра I царевич Алексей был засечён кнутом, а внук, Пётр II, умер от оспы. Курляндская династия, представленная вдовой курляндского герцога Анной Иоанновной, принесла России Бироновщину. Попытка императрицы Анны посадить на престол Брауншвейгскую династию в лице младенца Иоанна Антоновича не удалась.

Императрице Елизавете Петровне наследовал Пётр III, сын голштейн-готторпского герцога Карла Фридриха. На российском троне утвердилась немецкая голштинская династия. Пётр III был свергнут и убит в 1762 г. Власть узурпировала дочь прусского фельдмаршала – Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербтская, Екатерина II.

Екатерина II была одной из самых ярких фигур XVIII века – века Просвещения. Её реформы доставили немецкой династии популярность и поддержку дворянства.

Николай I был внуком просвещённой государыни Екате-

рины II. От отца, Павла I, он унаследовал любовь к парадам и муштре. Опыт правления брата, Александра I, убедил его в необходимости реформ. Тотчас после своего воцарения он отстранил от дел Аракчеева, изгнал из столицы Магницкого, попечителя Казанского университета. Эти двое были символами худших сторон предыдущего царствования.

После разгрома декабрьского мятежа Николай I поручил Д.Н. Блудову составить «Свод показаний членов тайного общества о внутреннем состоянии государства». Свод был предназначен для высших сановников государства. По указу самодержца 6 декабря 1826 г. начал действовать Секретный комитет, перед которым была поставлена задача исследовать, «что ныне хорошо, чего оставить нельзя и чем заменить»⁷⁸. 25 апреля 1827 г. император передал в Секретный комитет записку М.М. Сперанского, лично им одобренную. Записка содержала предложение о разработке нового законодательства о крестьянах.

Власти приступили к кодификации законов Российской империи и изданию Полного собрания законов, ввели меры поощрения промышленности и торговли, открыли Технологический и Лесной институты.

В 1827–1828 гг. в секретном порядке был выработан текст нового устава о цензуре. 22 апреля 1828 г. Николай I подписал новый устав, более либеральный по сравнению с «чугунным уставом» 1826 г. Цензорам предписывалось «принимать всегда за основное явный смысл речи, не позволяя се-

бе произвольного толкования оной в дурную сторону». Государственный совет дал официальное толкование новому уставу, пояснив, что цензуре «не представляется уже в обязанности давать какое-либо направление словесности и общему мнению»; она может запрещать только те сочинения, которые наносят ущерб вере, престолу, нравам и личной чести граждан⁷⁹. По существу, речь шла о преобразовании цензуры на основании опыта западных стран, что должно было обеспечить подобие свободы слова. Обсуждение грядущей реформы породили радужные надежды. 16 сентября 1827 г. А.Н. Вульф записал в дневнике: «Играя на бильярде, Пушкин сказал: „...Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову – пером Курбского... Теперь уже можно писать и царствование Николая, и об 14-м декабря“»⁸⁰.

Либеральные веяния становились всё более ощутимыми. Примирившись с правительством, Пушкин стремился содействовать переменам. В 1826–1827 гг. поэт написал в честь Николая I «Стансы». Восславив Петра I, поэт закончил стихи словами:

Семейным сходством будь же горд;
Во всём будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен.

Поэт советовал монарху последовать примеру пращура,

посеявшего семена просвещения в России. «Стансы» были гимном в честь Петра Великого.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Пушкин издал стихи в январе 1828 г.

В 1830 г. Секретный комитет подготовил проект дополнительного закона о «состояниях» (сословиях), призванный внести изменения в петровскую Табель о рангах. Сам царь передал проект для обсуждения московскому дворянству. В этом шаге поэт усмотрел доказательство того, что «правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения». Об этом он писал П.А. Вяземскому в письме от 16 марта 1830 г.⁸¹

Николай I приступил к реформам с уверенностью, что его слова будет достаточно для быстрого их осуществления. В царском предписании членам Секретного комитета говорилось: «...еженедельно уведомлять меня... об успехах дела, которое я почитаю из важнейших своих занятий и обязанностей. Успех, который оным докажется, будет лучшая награда трудящимся (членам комитета. — *Р.С.*), а мне душевное утешенье»⁸². В увещеваниях государя появились задушевные ноты. Но Секретный комитет не внял уговорам и,

невзирая на чётко выраженную волю царя, провалил предложенную им программу. В начале 1834 г. Николай I жаловался новому любимцу П.Д. Киселёву, что его замысел относительно изменений в положении крепостных не находит прямого сочувствия у его сотрудников: «...даже в семействе моём некоторые (старший брат царя Константин. – *Р.С.*) были совершенно противны. ...Помогай мне в деле, которое я должен передать сыну... и осуществлению мысли, которая меня постоянно занимает, но которую без доброго пособия исполнить не могу»⁸³. П.Д. Киселёв оправдал надежды монарха. Его реформа, освободившая от крепостного рабства государственных крестьян, подготовила почву для Великой крестьянской реформы, упразднившей крепостное право в России. Её осуществил сын Николая I Александр II в соответствии с заветом отца. Но на это ушло более 30 лет.

Александровская эпоха выдвинула плеяду талантливых бюрократов, разработавших программу реформ в России. Среди них выделялись граф М.М. Сперанский и П.Д. Киселёв. Пушкин симпатизировал таким людям и поддерживал с ними добрые отношения. Поэт оставил в дневнике запись о беседе со Сперанским в марте 1834 г.: «Я говорил ему, – отметил Пушкин, – о прекрасном начале царствования Александра: Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага»⁸⁴. Опальный реформатор рано оценил дарование Пушкина. «Он действительно имеет замашку и крылья гения», – писал он до-

чери в 1820 г.⁸⁵ Со Сперанским поэт обсуждал «Историю Пугачёва». По воле Николая I Киселёв вместе со Сперанским возглавил секретный комитет по крестьянскому вопросу. 3 июня 1834 г. Пушкин после беседы с Киселёвым у Вяземского записал: «...он, может, самый замечательный из наших государственных людей, не исключая Ермолова...»⁸⁶ Пушкин поддерживал достаточно тесные отношения с министром внутренних дел Д.Н. Блудовым. В 30-х годах он вёл переговоры о публикации в «Современнике» «Записки об Артемии Волынском», составленной Блудовым по архивным материалам⁸⁷.

Либералы осудили Стансы в честь Николая I. Нападки рассердили поэта. Отвечая своим критикам, он написал верноподданнические стихи «Друзьям»:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.
Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

Ознакомившись с этими стихами в марте 1828 г., царь передал поэту через Бенкендорфа: «Что касается до стихотво-

рения вашего под заглавием „Друзьям“, то его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано»⁸⁸. Николай привык к лести и не скрыл того, что очень доволен хвалой, сложенной Пушкиным в его честь. Но будучи человеком просвещённым, монарх должен был считаться с неизбежной реакцией общества. Стихотворение «Друзьям» должно было вызвать ещё более неблагоприятную оценку образованного общества, чем «Стансы», чуждые откровенной лести. Власти дали знать поэту, что лучше распространять его стихотворение в рукописных списках. То был редкий случай. Жандармерия всегда пеклась о том, чтобы искоренить любое распространение стихов Пушкина в рукописных списках до публикации с разрешения цензуры. Теперь самодержец сам рекомендовал нарушить строго установленное правило!

Стихи «Друзьям» имели характер напутствия, как и «Стансы». Они выражали скорее ожидания поэта, чем его подлинные взгляды. Но престижу Пушкина они нанесли серьёзный ущерб.

Соппротивление высшей бюрократии и консервативного дворянства затормозило преобразования, которые Николай I надеялся осуществить в непродолжительное время. Когда Пушкин понял, что государь «нетвёрд» в реформах, как и в литературе, он отказался от сочинения новых стихов, подобных «Стансам».

Поворот к реформам выдвинул новых людей. Некоторые

из них были в своё время членами литературного общества «Арзамас» и сохраняли приятельские отношения с Пушкиным. Делопроизводителями в Секретном комитете 6 декабря 1826 г. были Д.Н. Блудов и Д.В. Дашков. В 1832 г. первый стал министром внутренних дел, а второй – министром юстиции. Ещё один член общества «Арзамас», С.С. Уваров, с марта 1833 г. стал управляющим Министерством народного просвещения, а через год – министром просвещения. Стремительную карьеру начал делать П.Д. Киселёв. С мая 1828 г. Пушкин стал посещать дом М.М. Сперанского. Последний советовал ему писать историю своего времени.

Осенью 1828 г. Пушкин написал поэму «Полтава», которая начиналась словами:

Богат и славен Кочубей,
Его луга необозримы...

В первом же примечании поэт спешил напомнить читателю, что казнённый Мазепой генеральный судья Украины Василий Кочубей был одним из предков нынешних графов Кочубеев. Из всех современных Кочубеев Пушкина интересовал только один – Виктор Павлович. В апреле 1827 г. он занял посты канцлера империи, председателя Государственного совета и Комитета министров. В 1828 г. князь и граф Кочубей участвовал в допросе Пушкина по поводу «Гавриилиады». Этот эпизод, по-видимому, не отразился на взаимо-

отношениях этих людей. В 1830–1831 гг. поэт нередко бывал в доме Кочубея.

С именем Кочубея связывали надежды на поворот к реформам, что сказалось на отношении Пушкина к первому сановнику империи. В 1834 г. по случаю кончины Кочубея поэт записал в Дневник такое суждение о нём: «Это был ум в высшей степени примирительный; никто так превосходно не решал трудных вопросов, не приводил мнений к согласию и т. д.» К тому времени Пушкин полностью разочаровался в деятельности Кочубея. Назвав канцлера ничтожным человеком, поэт заметил: «Новые министры повесили голову. ... такова бедность России в государственных людях, что и Кочубея нечем заменить!»⁸⁹

Реформы не могли быть осуществлены без опоры на либеральные общественные силы. Но власти, поручая бюрократическим инстанциям разработку новых законов, внимательно следили за настроениями общества и карали всякие проявления либерализма, не санкционированные сверху. Проводником карательной политики выступало III Отделение.

В сетях III Отделения

Мятеж на Сенатской площади обнаружил полное бессилие тайной полиции, проглядевшей заговор. Пушкин с насмешкой отметил, что о заговоре знали все, кроме правительства и полиции. Бенкендорф предложил Николаю I реорганизовать секретную службу на новых началах.

Каждый раз, когда русские монархи сталкивались с заговорами или недовольством в дворянской среде, они устраивали опричнину, Тайные приказы и тому подобные учреждения. Эти учреждения не подчинялись никому, кроме самодержца.

Бенкендорф и его помощник фон Фок заявляли себя противниками быстро крепнувшей бюрократии, её всевластия и злоупотреблений. Но их ведомство неизбежно должно было превратиться в ещё одну надстройку над бюрократическим аппаратом.

Тайная полиция была выведена из подчинения Министерству внутренних дел и подчинена лично императору, в обход всех промежуточных ступеней. Иван Грозный обрядил своих опричников в чёрные одежды, Николай I – в небесно-голубые мундиры.

Форма подчёркивала значение нового ведомства, служившего мостом между батюшкой царём и народом. Уже во время процесса над декабристами Бенкендорф заботился о

том, чтобы спасти свою репутацию человека справедливого и снисходительного. Целью нового ведомства он провозгласил обеспечение порядка в государстве и возможность для каждого подданного донести через жандармов правду до монарха, найти справедливость. В особой инструкции Бенкендорф объявлял, что каждый служащий III Отделения «через моё посредство может довести глас страждущего человечества до престола царского, и беззащитного гражданина немедленно поставит под высочайшую защиту государя императора». Корпус жандармов предполагалось укомплектовать исключительно из «добромыслящих людей России»⁹⁰.

Благодаря стараниям Бенкендорфа жандармерия приобрела фасад почти что благотворительного учреждения. Миф о III Отделении получил широкое распространение. В 1830 г. Пушкин писал А. Гончарову, что Бенкендорф – «человек снисходительный, благонамеренный и чуть ли не единственный вельможа, через которого нам доходят частные благодеяния государя»⁹¹.

Сын эстляндского губернатора, Бенкендорф сделал карьеру благодаря придворным связям. Его мать была подругой императрицы Марии Фёдоровны. Сам же он с пятнадцати лет служил Павлу I. Будучи во Франции, Бенкендорф ознакомился с опытом французской жандармерии. Система политического сыска, созданная Фуше в годы Наполеоновской империи, была самой разветвлённой и совершенной в Европе. Бенкендорф предложил реорганизовать русскую сек-

ретную службу с учётом западноевропейского опыта. Заставить одну половину общества следить за другой было уже недостаточно. Суть новой системы заключалась в том, чтобы сочетать жёсткое подавление вольномыслия с мерами, которые позволили бы властям направлять общественное мнение. Управляющий III Отделением фон Фок обосновал эту идею в особой записке, поданной шефу. Необходимо, писал он, подчинить общественное мнение, которое «не засадишь в тюрьму, а прижимая, его только доведёшь до ожесточения». Максимилиан фон Фок был почётным членом Вольного общества любителей российской словесности и принадлежал к разновидности полицейских либералов. По словам Филиппа Вигеля, Фок был «немецкий мечтатель, который свободомыслие почитал делом естественным и законным» и «хотел, чтобы просвещённый, по мнению его, образ мыслей не совсем погиб в России, и людей, имеющих его, намерен был защищать от преследований»⁹².

Штат нового ведомства был невелик — около 20 чиновников, пользовавшихся услугами примерно 30 осведомителей. Костяк III Отделения составляли опытные полицейские ищейки и тайные агенты, которых вербовали в самых различных слоях общества. Среди агентов была прислуга, литераторы, офицеры, «натуралисты» типа Бошняка, богомольные кокетки вроде Каролины Собаньской и пр.

Розыск о тайных обществах сделал Бенкендорфа одной из самых влиятельных фигур в государстве. Поворот к рефор-

мам поставил руководителей вновь организованной жандармерии перед новыми проблемами. Чтобы не отстать от общего течения и угодить царю, шеф жандармов замыслил привлечь на службу в III Отделение людей либерального склада ума. Одним из первых его предложение принял Л.В. Дубельт, ещё недавно славившийся либеральным крикуном. Его примеру последовали приятели Пушкина И.П. Липранди, Я.Н. Толстой и другие лица. Наконец, III Отделение пригласило на службу одного из самых известных деятелей тайных обществ генерала М.Ф. Орлова, избежавшего каторги лишь благодаря заступничеству брата. Но Орлов категорически отверг предложение.

Реорганизация секретной полиции стала темой злободневной и получила отзвук в сочинениях Пушкина. Онегин возвращается в Москву:

Замечен он – об нём толкует
Велеречивая Молва,
Его шпионом именует,
Сплетает про него стихи
И производят в женихи.

Пушкину было предписано сноситься с Николаем I через секретную полицию, а потому он не мог избежать общения со шпионским ведомством. Контакты расширились с того момента, как монарх велел Пушкину составить Записку о народном воспитании и передать её в III Отделение. «Я был

в затруднении, – рассказывал поэт друзьям, – когда Николай спросил моё мнение о сём предмете»⁹³.

Пушкин имел в виду разговор с императором в Чудовом монастыре.

Получив задание царя составить письменный ответ на свой вопрос, Пушкин обратился к идеям Карамзина, в которых он искал спасения после разгрома декабристов. Видимо, он имел в своём распоряжении «Записку о древней и новой России» Н.М. Карамзина, поданную Александру I в 1811 году⁹⁴. Записка заключала столь резкую критику современных порядков, что Александр запретил её публиковать.

Поэт вновь призвал на помощь тень великого историко-графа. В своей *Записке о народном воспитании* Пушкин подчёркивал важность исторического образования молодёжи. «Историю русскую, – писал он, – должно будет преподавать по Карамзину. История Государства Российского есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека»⁹⁵.

Историю мировую, развивал свой взгляд Пушкин, следует излагать столь же честно, как и русскую: знакомить с идеями республиканцев, «не хитрить, не искажать республиканских рассуждений»; не превозносить Цезаря, ибо он был «возмутитель» и узурпатор; «не позорить» Брута, защищавшего традиционные и законные республиканские порядки.

Пушкин был встревожен слухами о предстоящей выдаче

царскому правительству Н. Тургенева, находившегося за рубежом и заочно приговорённого к смерти во время суда над декабристами. Вступившись за него, поэт хвалил его «нравственность и умеренность – следствие просвещения истинного и положительных познаний»⁹⁶.

Вслед за Карамзиным Пушкин писал о пагубности либеральных идей для России. В целом его *Записка* носила благонамеренный и верноподданныческий характер.

Пересылая рукопись царю, Бенкендорф писал о Пушкине: «...он мне только что прислал свои заметки... которые прилагаю. Заметки человека, возвращающегося к здравому смыслу»⁹⁷.

Николай I был в целом доволен представленным ему сочинением. Бенкендорф сообщал поэту: «...государь император с удовольствием изволил читать рассуждения ваши...»

Однако царя в *Записке* Пушкина удовлетворило не всё. Поэт слишком пылко ратовал за полезность и спасительность для России просвещения. Защищая Н. Тургенева, он не побоялся выставить его образцом истинного просвещения. При чтении рукописи царь поставил на полях множество вопросительных знаков. Наконец, он не удержался и от выговора. Просвещение и гений, поучал государь подданного, – не могут служить исключительным основанием совершенству: это правило опасно для общего спокойствия; оно уже завлекло «вас (Пушкина. – *Р.С.*) на край пропасти... Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть

должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному»⁹⁸.

Прилежное служение трону – вот чего требовал монарх от поэта.

Записка Пушкина в III Отделение не была единственной. В 1828–1832 гг. Пушкин составил ещё три Записки для секретной полиции. Все они не имели подписи и должны были послужить черновиком для официальных бумаг, исходящих из III Отделения. Всё это строго соответствовало порядкам, царившим в жандармерии. В отличие от первой Записки, три последующих были составлены без царского повеления, по собственному почину поэта.

Пушкин пытался использовать свои особые отношения с царём и его жандармерией в своих целях. Сначала он попытался оправдать в глазах самодержца декабриста Н. Тургенева, а затем заступился за польского поэта Адама Мицкевича.

Автограф первой Записки Пушкина сохранился в бумагах фон Фока и имеет дату 7 января 1828 г. Зимой 1827/1828 г. общение Пушкина и Мицкевича было особенно тесным. Со слов польского поэта Пушкин записал рассказ о том, как 17-летний Адам Мицкевич был арестован за принадлежность к литературному обществу, которое просуществовало всего несколько месяцев. О втором литературном обществе, проповедовавшем национальную идею, юноша только слышал, но не знал его целей. После семимесячного заключения Мицкевич в 1824 г. был выслан в россий-

ские губернии, где и находился более четырёх лет. Суть «доношения» о ссылке польского поэта Пушкин изложил откровенно: Мицкевич надеется, что правительство позволит ему возвратиться в Польшу, куда его призывают домашние обстоятельства⁹⁹.

Записка Пушкина была весьма своевременной. В марте 1828 г. великий князь Константин был возмущён публикацией в Варшаве статьи о чествовании ссыльного Мицкевича в Петербурге. Его запрос побудил Бенкендорфа поручить Булгарину составить справку о поведении польского поэта в Петербурге. Булгарин составил Записку о Мицкевиче, всецело его оправдывавшую.

Его Записка за подписью Бенкендорфа была отправлена в Варшаву¹⁰⁰.

Россия стояла на пороге войны с Турцией. Император надолго покинул Петербург. Лишь после его возвращения дело получило ход, и Мицкевич смог покинуть Россию. Власти считали слишком опасным отпускать его в Польшу, но разрешили выехать в Германию и Италию.

...Он

Ушёл на Запад – и благословеньем

Его мы проводили.

Слова Пушкина соответствовали истине. Он не только благословил отъезд Мицкевича, но и содействовал осу-

ществлению его планов. Усилия Пушкина были своевременны. Грянувшее в 1830 г. польское восстание до крайности затруднило бы вызволение Мицкевича из русского плена.

III Отделение никогда не оказывало услуг даром. С согласия Бенкендорфа фон Фок принял от Пушкина Записку в пользу освобождения Мицкевича. Почти сразу вслед за тем Бенкендорф пытался использовать ситуацию, чтобы добиться от Пушкина согласия на службу в его ведомстве. Поэту предложили поступить на оплачиваемую должность в канцелярии секретной полиции. Происшествие это заслуживает внимания.

В 1828 г. началась война с Османской империей, пробудившая патриотические настроения. Русское общество сочувствовало грекам, которые вели безнадёжную борьбу против поработителей-турок. Захваченные общим течением, Пушкин и Вяземский в апреле 1828 г. обратились к императору с просьбой отпустить их в действующую армию. После долгих обещаний оба получили отказ. По свидетельству Вяземского, противодействие исходило со стороны его племянника министра Нессельроде. Бенкендорф получил также прямые указания от великого князя Константина, который писал ему по поводу ходатайства Пушкина и Вяземского: «...как бы они ни старались выказать теперь свою преданность службе его величества, они не принадлежат к числу тех, на кого можно было бы в чём-либо положиться»¹⁰¹.

Николай I отказал Пушкину. Тогда последний обратился

в апреле 1828 г. с письмом к Бенкендорфу. Он просил исходатайствовать от государя для него разрешение на поездку в Париж на 6 или 7 месяцев, т. е. примерно на то время, пока царь будет занят в кампании на Балканах¹⁰².

В марте царь передал Пушкину, что с большим удовольствием читал новую главу из «Евгения Онегина». Сердечное согласие вновь определяло взаимоотношения между императором и его подданным. У Пушкина возникла надежда на то, что его августейший друг наконец отпустит его за рубеж. Бенкендорф опасался такого исхода дела и потому не довёл просьбу поэта до сведения Николая I.

В 1828 г. поэт близко сошёлся с штаб-ротмистром Н.В. Путятой, который должен был быть его секундантом в дуэли с Т.-Ж. Лагренэ. Записные книжки Путяты сохранили сведения о беседе Пушкина с Бенкендорфом по поводу его отъезда на театр военных действий. Сообщив Пушкину об отказе царя определить его в армию, Бенкендорф продолжал: «Хотите... я вас определю в мою канцелярию и возьму с собой?» «Пушкину предлагали служить в канцелярии III Отделения!»¹⁰³

Предложение Пушкину о сотрудничестве с III Отделением не осталось тайной для общества. Молва определила даже размеры жалованья, предложенного поэту. Прошёл слух, жаловался Пушкин Вяземскому в 1829 г., «что я шпион, получаю за то 2500 в месяц[?] ...и ко мне уже являются трою[ро]дн[ые] братцы за местами [?] и за милостями[?] цар-

Определение первого поэта России на службу в тайную полицию отвечало честолюбивым замыслам шефа жандармов. III Отделение было новым учреждением и искало всевозможные средства к тому, чтобы укрепить свою репутацию. В случае согласия Пушкина Бенкендорф приобрёл бы сотрудника, какого не имело ни одно министерство. Жандармы получили бы в своё распоряжение мощное средство влиять на общественное мнение.

Пушкин отклонил предложение о службе в жандармерии, но не отказался от попыток использовать свои связи там, чтобы помочь гонимым. В 1829 г. поэт познакомился с молодым казачьим сотником В.Д. Сухоруковым. В течение пяти лет сотник, в то время поручик лейб-гвардии Казачьего полка, собирал материалы для составления Истории Войска Донского. За участие в заговоре молодой офицер-литератор был арестован и выслан на Кавказ, а все собранные им материалы отобраны. Главнокомандующий Паскевич оценил способности Сухорукова и взял его к себе в адъютанты. Но военный министр Чернышёв велел арестовать сотника и с фельдъегерем отослать его в донскую казачью станицу без права выезда.

В 1831 г. Пушкин ходатайствовал за Сухорукова перед III Отделением. Составленная им Записка заключала просьбу позволить ссылке возобновить занятия по истории Донского войска, для чего разрешить скопировать ранее собран-

ные документы.

Записка была принята фон Фоком, и летом 1831 г. Бенкендорф имел беседу по поводу Сухорукова с военным министром. Граф Чернышёв был взбешён попыткой вмешаться в дела его ведомства. Ходатайство закончилось полной неудачей. Глава III Отделения сообщил об этом Пушкину 29 августа 1831 г. К тому времени Сухоруков получил возможность покинуть Кавказ и приехал в Москву. 26 ноября М.П. Погодин видел его и «рассказал действия Пушкина для него»¹⁰⁵.

Поэт пытался использовать III Отделение и для того, чтобы подорвать монополию Булгарина в литературе. Ещё в мае 1830 г. он писал Вяземскому: «...неприлично правительству заключать союз – с кем? – с Булгариным и Гречем»¹⁰⁶.

Летом 1830 г. поэт составил для передачи секретной полиции черновик Записки об издании газеты, которая была бы противовесом для булгаринской «Северной Пчелы». Этот демарш был предпринят не без колебаний. Прошёл год, прежде чем Записка была подана в III Отделение.

Пушкин начинает с замечания о том, что литература есть отрасль промышленности и всё больше приобретает торговое направление, что благоприятствует её процветанию при новом монархе. Однако же известные писатели (Булгарин и Греч), издающие огромным тиражом «Северную Пчелу», приобрели слишком большое влияние на читающую публику и на книжную торговлю. Критика и политика сделались

их монополий. «От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, не находящиеся в приятельских отношениях с „Северной Пчелой“: ни одно из их произведений не продаётся, ибо никто не станет покупать товара, осуждённого в самом газетном объявлении». Чтобы избавиться от монополии Булгарина и Греча, Пушкин предлагал учредить новый журнал, «в коем печатались бы политические и заграничные новости». Поэт заверял жандармов, что его газета будет лояльной по отношению к властям и в ней не будет ничего злонамеренного: «Направление политических статей зависит и должно зависеть от правительства, и в сём случае полагаю священной обязанностью ему повиноваться... Злонамеренность была бы с моей стороны столь же безрассудна, как и неблагодарна»¹⁰⁷.

Записка Пушкина написана была в исключительно корректном тоне. Поэт избежал каких бы то ни было характеристик «двух известных писателей». Всё, чего он требовал, было восстановление равновесия в литературе, т. е. предоставление другим журналам таких же прав на публикацию официальных материалов, которыми монопольно пользовалась «Северная Пчела».

В начале июня 1831 г. Пушкин подал Записку об издании газеты управляющему делами III Отделения фон Фоку. Руководство III Отделением отнеслось к новому проекту Пушкина с недоверием. Бенкендорф несколько лет трудился над тем, чтобы подчинить журналистику своему контролю, а те-

перь ему предлагали разрушить воздвигнутый им бастион! В действиях Пушкина он, естественно, усмотрел проявление прежнего духа либерализма. С ведома Бенкендорфа фон Фок отказался поддержать новую затею Пушкина. Его Записка не была принята к производству.

Итог «сотрудничества» поэта с тайной полицией был впечатляющим. По его инициативе III Отделение выхлопотало разрешение Мицкевичу выехать за границу. Когда в Польше вспыхнуло восстание, голос Мицкевича в защиту поляков прозвучал как набат по всей Европе. Жандармы должны были признать свой промах.

Ходатайство в защиту бывшего декабриста Сухорукова, также начатое по почину Пушкина, завершилось тем, что Бенкендорфу пришлось выслушать резкую отповедь от военного министра.

Записка Пушкина об издании газеты была отвергнута с порога. Надежды поэта рухнули.

Поднадзорный

С весны до осени 1828 г. царь находился в действующей армии на Балканах. Высший орган империи, Государственный совет, принял на себя надзор за состоянием дел в столице. Петербургский военный генерал-губернатор П.В. Голенищев-Кутузов был наделён особыми полномочиями для поддержания порядка и особенно для предупреждения крамолы.

Следствие о распространении стихов «На 14 декабря» длилось долго. По этому случаю был арестован ряд лиц, хранивших запрещённые стихи. Потребовалось более года, прежде чем дело прошло все бюрократические инстанции и поступило в Государственный совет.

Будучи вызван на допрос, Пушкин объявил насчёт стихов А. Шенье, что «оние никак без явной бессмыслицы не могут относиться к 14 декабря»¹⁰⁸.

Насмешливые слова по поводу «явной бессмыслицы» выдвинутых обвинений рассердили сановных старцев. Сановники усмотрели непочтительность, проявленную известным стихотворцем в отношении членов Государственного совета «в неприличных выражениях его в ответах своих...»¹⁰⁹

28 июня 1828 г. члены Госсовета подписали протокол, на основании которого военный генерал-губернатор 18 августа

предписал главному полицмейстеру взять подписку с известного стихотворца Пушкина, «дабы он впредь никаких сочинений, без рассмотрения и пропуска оных цензурою, не осмеливался выпускать в публику... между тем учинить за ним безгласный надзор»¹¹⁰.

Решение о надзоре продиктовано было, очевидно, условиями военного времени, когда власти проявляли бдение по поводу любых признаков крамолы. После вызова к полицмейстеру Пушкин взялся за перо, чтобы написать протест Бенкендорфу. Но черновик письма остался незаконченным.

Тем временем над головой стихотворца сгустились новые тучи. В мае 1828 г. дворовые люди дворянина Митькова подали донос на господина, а затем передали митрополиту петербургскому Серафиму рукописный список «Гавриилиады». Сведения об этом богохульном сочинении поступили в III Отделение уже во время суда над декабристами. Жандармский полковник И.П. Бибилов назвал среди других мятежных стихов, которые разносят пламя восстания и нападают на святость религии, «Гавриилиаду», «сочинение А. Пушкина»¹¹¹.

Но текст поэмы попал в руки судей только весной 1828 г. Митрополит передал рукопись статс-секретарю Н.Н. Муравьёву. 29 июня Государственный совет постановил взять к допросу Митькова, а 3–5 августа военный генерал-губернатор лично допросил Пушкина, требуя от него признания в авторстве. Поэт некогда уже был сослан в ссылку за несколь-

ко атеистических строк. Теперь ему грозило куда более серьёзное наказание. Он мог угодить в монастырь или же в тюрьму. В обществе знали, что «Гавриилиада» – творение Пушкина, но власти не могли уличить его, так как у них не было ни автографа поэмы, ни подписи автора на тексте. Защищаясь, Пушкин говорил, что получил рукопись неизвестного автора от кого-то из офицеров гусарского полка. Дело было доложено царю в его балканской ставке, и тот приказал узнать у Пушкина, «от кого получил он в 1815-м или в 1816-м году, как то объявил, находясь в Лицее, упомянутую поэму...»¹¹²

В сентябре Николай I велел вновь спросить поэта о том же, но на этот раз «моим именем». 2 октября 1828 г. военный губернатор вызвал стихотворца к себе и ознакомил с царской резолюцией, «на что, – как значится в протоколе допроса, – Пушкин по довольном молчании и размышлении спрашивал, позволено ли ему будет написать прямо государю императору и, получив на сие удовлетворительный ответ, тут же написал к его величеству письмо и, запечатав оное, вручил его графу Толстому». (П.А. Толстой допрашивал поэта вместе с Голенищевым-Кутузовым.)¹¹³

Текст этого письма Пушкина известен лишь в копии, напоминающей пересказ. В нескольких строках Александр Сергеевич каялся в «шалости, столь же постыдной, как и преступной», совершённой им по молодости в 17 лет. (На

самом деле – в 21 год.)¹¹⁴

Итак, Пушкин и на этот раз отклонил требования генерал-губернатора и сановников о признании своей виновности и, оставив их в неведении, выразил полное пренебрежение к ним. Его признание предназначалось для одного монарха, который как раз в то время вернулся в столицу после победоносной кампании на Балканах.

Государственный совет продолжал похвальные хлопоты по обнаружению автора «Гавриилиады». Но на очередной докладной записке статс-секретаря Н.Н. Муравьёва Николай I начертал резолюцию: «Мне это дело подробно известно и совершенно кончено»¹¹⁵.

Решение императора лишний раз обнаружило, сколь малое значение имел «высший орган» империи.

Дело было прекращено личным распоряжением Николая I, а сановники так и не получили ответа на поставленные в ходе следствия вопросы.

В 1830 г. глава III Отделения отрицал факт тайного надзора за Пушкиным: «...никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за вами надзор, – писал Бенкендорф. – Советы, которые я, как друг, изредка давал вам, могли пойти вам лишь на пользу...» Заверения главного жандарма устраивали Пушкина. Они служили лучшим свидетельством его благонадёжности. По словам Бенкендорфа, император из отеческого попечения дал генералу Бенкендорфу – не шефу жандармов, а своему доверенному лицу – поручение наблю-

дать и наставлять поэта «как друга»¹¹⁶.

Следуя традиции, исследователи обличают шефа жандармов во лжи. Но они не учитывают некоторых нюансов.

Система тайного надзора в николаевской России была многослойной. Сыском занимались секретная полиция, военное ведомство, наконец, обычная полиция. Военный губернатор отдал приказ о тайном надзоре за Пушкиным в отсутствие Бенкендорфа. Осуществление надзора было возложено не на жандармское управление, а на главного полицмейстера столицы. Ничего иного губернатор не мог сделать, так как тайная политическая полиция подчинялась не ему, а непосредственно государю.

Решение Государственного совета, послужившее основанием для распоряжения о надзоре, было продиктовано условиями военного времени. Война кончилась. Пушкин был оправдан по делу о распространении стихов «На 14 декабря», а расследование о «Гавриилиаде» прекращено. Но отменить решение Государственного совета попросту забыли.

Ситуация с надзором приняла анекдотический характер. 19 апреля 1833 г. петербургский военный губернатор граф П.В. Голенищев-Кутузов запрашивал московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, «по какому случаю признано нужным иметь г-на Пушкина под надзором полиции?» Голицын отвечал ему, что сведений на этот счёт «у него не имеется»¹¹⁷.

Полицейские агенты исправно составляли донесения, за-

канчивавшиеся словами: «в поведении поднадзорного ничего предосудительного не замечено».

Поэт был в расцвете славы. Его внимания искали все, с кем он сталкивался. Чиновники опасались его острого языка, в особенности же – его близости к царской особе. И чины полиции, и секретные агенты, и губернаторы – все знали о том, что Пушкин в милости у государя. Неудивительно, что затея с надзором имела вид неуклюжей игры.

Когда Пушкин осенью 1833 г. отправился в Поволжье, он сделал остановку в Нижнем Новгороде. Бартенев описал эпизод на основании рассказов, «слышанных от самого Пушкина». Нижегородский губернатор М.П. Бутурлин отменно принял Пушкина у себя, ухаживал за ним и проводил в дорогу. Опасаясь вольного или невольного подвоха со стороны визитёра, Бутурлин предупредил оренбургского губернатора графа Василия Перовского о том, что Пушкин едет в Оренбургский край для сбора сведений о пугачёвском бунте, а на самом деле ему, должно быть, дано начальством поручение собирать сведения о неисправностях. Перовский, смеясь, прочёл письмо Бутурлина своему гостю, из чего родилась идея «Ревизора»¹¹⁸.

3 сентября 1833 г. Пушкин покинул Нижний, а почти месяц спустя пришла бумага от петербургского полицмейстера с приказом учредить за поэтом секретный надзор. Бутурлин без спешки, 9 октября, отправил соответствующее распоряжение в Казань и Оренбург. К тому времени поэт давно по-

кинул Оренбург и вернулся в Болдино.

Получив секретное предписание, оренбургский губернатор В.А. Перовский не без насмешки уведомил власти, что запрос прибыл к нему с запозданием, что Пушкин жил в его, губернатора, доме и он, губернатор, может удостоверить, что поездка «не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий»¹¹⁹.

Иностранные дипломаты недоумевали, почему Пушкин, будучи в милости у царя, находился под надзором полиции. Голландский чиновник Геверс склонен был объяснить дело тем, что у поэта было много врагов в высших кругах, особенно среди высших должностных лиц¹²⁰.

III Отделение не жалело усилий на то, чтобы расширить своё поле деятельности. Литература, бывшая сферой компетенции Министерства просвещения, привлекала особое внимание жандармов. Осведомлённый современник М.А. Корф хорошо знал Бенкендорфа и характеризовал его следующим образом: он «имел самое лишь поверхностное образование, ничему не учился, ничего не читал и даже никакой грамоты не знал порядочно»¹²¹.

Распоряжения Бенкендорфа, касавшиеся литературы, поражали своей изысканной формой. Император желает, наминал Пушкину граф 22 ноября 1826 г., «дабы вы в случае каких-либо новых литературных произведений ваших» представляли их его императорскому величеству¹²².

Против беллетристики у шефа жандармов было давнее и прочное предубеждение. Занятия литературой он считал делом легкомысленным и могущим нанести вред государственным интересам.

Пушкин писал отчёты Бенкендорфу, следуя придворно-бюрократическим штампам. Овладеть безликим и елейным стилем было нетрудно. 7 мая 1830 г. поэт в изысканных выражениях поблагодарил шефа жандармов за свидетельство о благонадёжности, выданное ему по случаю вступления в брак. Передавая «письмецо» шефу, Магнус фон Фок не удержался от комментария по поводу легкомыслия, беззаботной ветренности пресловутого Пушкина, не думающего ни о чём, но готового на всё¹²³.

Письмо и поведение поэта не давали жандармам повода для суждений насчёт неблагонадёжности Пушкина, «готового на всё». Но таково было подлинное отношение секретной полиции к поэту.

Вызовы в жандармское управление, выговоры и «отеческие заботы» держали Пушкина в постоянном напряжении. По временам он пытался искать защиты у мнимых доброжелателей. В марте 1830 г. он писал Бенкендорфу: «Несмотря на четыре года уравновешенного поведения, я не приобрёл доверия властей. С горестью вижу, что малейшие мои проступки вызывают подозрения и недоброжелательство. Простите, генерал, вольность моих сетований, но ради бога благоволите хоть на минуту войти в моё положение и оценить,

насколько оно тягостно. Оно до такой степени неустойчиво, что я ежеминутно чувствую себя накануне несчастья, которое не могу ни предвидеть, ни избежать». Пушкин был близок к тому, чтобы видеть благодетеля в своём мучителе. Прося Бенкендорфа о снисхождении и доверии, поэт писал, обращаясь к нему: «Если до настоящего времени я не впал в немилость, то обязан этим не знанию своих прав и обязанности, но единственно вашей личной ко мне благосклонности. Но если вы завтра не будете больше министром, послезавтра меня упрячут». (Другой перевод – Пушкин писал по-французски – «я буду в тюрьме».)¹²⁴

Говоря о тюрьме, Пушкин, по-видимому, имел в виду историю с «Гавриилиадой», происшедшую в отсутствие царя и шефа жандармов. Истоки ошибки поэта нетрудно понять. Как всегда, он услышал разъяснения о милости государя от Бенкендорфа, а тот постарался приписать благоприятный исход дела своему посредничеству.

Пушкин и Булгарин

Булгарин и Греч основали частную газету «Северная Пчела» в 1825 г. Бывший капитан французской армии Тадеуш (Фаддей) Булгарин был близок к декабристам и до их выступления придерживался либеральных взглядов. Рылееву он внушил такое доверие, что перед арестом тот отдал ему на сохранение свой архив. После событий 14 декабря в Петербурге был распространён пасквиль, авторы которого утверждали, что «сучья обрублены, дерево остаётся»: известные возмутители и злодеи, Булгарин и Греч, избежали наказания¹²⁵. 9 мая 1826 г. царь отдал столичному генерал-губернатору приказ иметь «под строгим присмотром» известного издателя журналов Булгарина¹²⁶. Журналиста обвиняли в том, что его издания пропагандировали революционные и либеральные идеи, породившие злодейство. Доносы поставили литератора в трудное положение. Страшась за будущее, Булгарин предложил свои услуги тайной полиции. Поданные им в III Отделение Записки посвящены были обличению вольнодумства и средствам к искоренению либерализма.

III Отделение умело вознаграждать своих агентов. Булгарин желал поступить на государственную службу и добился желаемого. 22 ноября 1826 г. шеф жандармов был на докладе у Николая I и получил подпись на указе о пожаловании «за по-

хвальные литературные труды» Фаддею Булгарину чина VIII класса и определении его на службу с окладом¹²⁷. Император не избавился от недоверия к недавнему либералу, и Бенкендорф определил его не в своё ведомство, а в Министерство просвещения.

Интерес к творчеству Булгарина побудил ряд исследователей пересмотреть вопрос о его связях с тайной полицией. Популярный писатель николаевской эпохи, утверждают они, не выдал властям ранее не известных правительству лиц, не получал денег от III Отделения, а значит, видеть в нём платного агента секретной полиции нет достаточных оснований¹²⁸.

Пушкин думал иначе.

В обществе никто не подозревал о сотрудничестве известного писателя с жандармами. Не знал об этом и Пушкин. Его внимание и симпатии всегда привлекали одарённые люди. Поэт с сочувствием следил за успехами Булгарина и относил его «к малому числу тех литераторов, коих порицание и похвала могут быть и должны быть уважены»¹²⁹. Пушкин лично познакомился с Булгариным осенью 1827 г. и стал частым гостем в его доме. 6 января 1828 г. Булгарин писал Ушакову, что Пушкин «скрытен в суждениях, любезен в обществе и дитя по душе... Он, кажется, полюбил меня»¹³⁰. Свои письма Булгарину Александр Сергеевич подписывал так: «Голова и сердце моё давно ваши»¹³¹.

Доверчивость и простодушие были в натуре Пушкина. Он и не подозревал, что имеет дело с завистником, человеком двуличным и непорядочным.

Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) – русский писатель, журналист, критик и издатель. Капитан наполеоновской армии, кавалер ордена Почётного легиона Франции,

действительный статский советник; герой многочисленных эпиграмм Пушкина, Вяземского, Баратынского, Лермонтова, Некрасова и многих других

В донесении, поданном тайной полицией в 1826 г., Булгарин в угоду Бенкендорфу дал отрицательный отзыв о пьесе Пушкина «Борис Годунов».

В 1828 г. в открытой печати журналист осыпал поэта комплиментами: «В трагедии своей „Борис Годунов“ он доказал, до какой степени гибок талант его», «какое познание характеров, сердца человеческого, местных обстоятельств. Тени Шекспира, Шиллера, возрадуйтесь!»¹³²

Следует отметить, что в 1827–1828 гг. доносы Булгарина на Пушкина, поданные в III Отделение, претерпели видимую перемену. Резко изменился тон его отзывов о поэте. Приятельские отношения с Пушкиным были тому главной причиной.

В ноябре 1827 г. Булгарин подал фон Фоку записку «О Пушкине», в которой писал: «Поэт Пушкин ведёт себя отлично хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит Государя и даже говорит, что ему обязан жизнью, ибо жизнь так ему наскучила в изгнании... что он хотел умереть». На литературном обеде Пушкин сказал: «Меня должно прозвать или Николаевым, или Николаевичем, ибо без Него я бы не жил. Он дал мне жизнь и, что гораздо более, свободу: виват!»¹³³

27 декабря 1827 г. литераторы праздновали именины Греча, а Булгарин представил собравшимся стихи в его честь. Стихи были верноподданническими. «Куплеты, – доносил Булгарин, – начали тотчас после стола списывать на многие руки. Пушкин был в восторге и беспрестанно напевал, прохаживаясь:

И так молитву сотворя,
Во-первых, здравие царя!»¹³⁴

6 июня 1828 г. Булгарин посвятил «Секретную газету» обличению Вяземского. «Бедный Пушкин, – завершил свой донос агент, – который вёл себя доселе, как красная девица, увлечён совершенно Вяземским, толкается за ним и пьёт из одной чаши, но, невзирая на весь соблазн со стороны Вяземского, Пушкин не говорит дурно о Государе. Это правда»¹³⁵.

Пушкин был полон благодарности Николаю I за то, что тот освободил его из деревенской глуши, и старался завоевать доверие императора. Тайная полиция, по всей видимости, ознакомила монарха с донесениями насчёт преданности Пушкина престолу и самодержцу. Государь не забыл собственных слов: «Господа, это мой Пушкин!» В 1827–1829 гг. он мог убедиться, что найденная формула стала реальностью. В своём дневнике Пушкин записал слова царя: «До сих пор он сдержал данное мне слово, и я был доволен им»¹³⁶.

Эти слова были произнесены в январе 1834 г., но имели

в виду весь период, начиная с 1826 г. Всё сказанное объясняет, почему монарх безоговорочно закрыл дело о «Гавриилиаде». Поэма была написана до того, как поэт превратился в верноподданного.

Пушкин вполне дружески относился к Булгарину, пока не узнал о том, что имеет дело с доносчиком.

По случаю войны с турками Бенкендорф покинул столицу и обосновался в главной ставке армии на Балканах при особе царя. Сюда ему доставляли агентурные донесения, включая «Секретную газету» с обзором новостей, которую составлял Булгарин. Получив болгаринскую газету от 30 мая 1828 г. (газета была рукописной и анонимной), граф счёл возможным познакомить с ней приятеля, Дмитрия Дашкова, бывшего тогда товарищем министра внутренних дел. Дашкова это донесение касалось самым непосредственным образом. Из доноса Булгарина следовало, что в Москве составила партия для издания частной неправительственной газеты; издатели – люди весьма подозрительные, «ибо явно проповедают либерализм»; «партию составляют князь Вяземский, Пушкин» и другие лица; их орудием будет Погодин, который «предан душою правилам якобинства». Вяземский и Пушкин через Жуковского будут действовать на Блудова, а через Дашкова или Нессельроде получают доступ к государю¹³⁷.

Булгарину недоставало интуиции. В своих доносах он чернил сановников, а среди них – бывших членов литературного общества «Арзамас». Само общество агент представлял

как рассадник либерализма, его влияние на юношество оценивал как вредное¹³⁸. Не рассчитав последствий, Булгарин восстановил против себя могущественные силы.

Дашков догадался, кто были авторы доноса, и сделал помету на «Секретной газете»: «...истинное побуждение их так ясно, что даже открывает мне имена их»¹³⁹. По возвращении в столицу в 1829 г. Дашков известил о своём открытии собратьев по обществу «Арзамас» – товарища министра просвещения Дмитрия Блудова, Вяземского, Жуковского, Пушкина.

Разрыв Пушкина с Булгариным стал неизбежен. Литературные разногласия углубили пропасть.

Булгарин и Греч всеми силами противодействовали проектам издания частных газет, которые могли бы конкурировать с их изданиями. В 1830 г. Дельвиг при содействии Пушкина основал «Литературную газету» – к великому неудовольствию Булгарина. Новое издание было типично для того периода развития русской литературы, который характеризуют как «литературу дружеских кружков»¹⁴⁰.

Обстоятельства, казалось бы, благоприятствовали успеху предприятия. Слава Пушкина достигла апогея. «Литературная газета» публиковала произведения известных русских авторов, переводы модных западных писателей. Но издание не смогло завоевать ни столичных читателей, ни провинцию. Оно не стало выгодным «торговым предприятием».

Дельвигу не удалось потеснить издания Булгарина и Греча. Булгарин располагал правом на публикацию правительственных сообщений. Наличие официальной рубрики привлекало к его изданиям многих подписчиков. Булгарин и Греч успели создать постоянный круг читателей.

Бенкендорф старался быть любезным с Пушкиным, но с Дельвигом он не церемонился. Лицейский товарищ Пушкина Антон Дельвиг умер в 33 года. Хорошо осведомлённый цензор А.В. Никитенко сделал по этому поводу следующую запись в дневнике: «Публика в ранней кончине барона Дельвига обвиняет Бенкендорфа, который... назвал Дельвига в глаза почти якобинцем и дал ему почувствовать, что правительство следит за ним»¹⁴¹. Смерть друга потрясла Пушкина. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в отказе поэта воспользоваться разрешением на издание новой газеты, полученным им год спустя.

Правительство запрещало «Литературной газете» публиковать официальные новости. Этим правом пользовались издания Булгарина. Но не только поддержка властей и секретной полиции объясняла успех булгаринских журналов.

Против газеты Дельвига ополчились литераторы самых разных направлений – от Ф. Булгарина, издателя газеты «Северная Пчела» и журнала «Сын Отечества», до братьев Полевых, издателей «Московского телеграфа», и профессора Н.И. Надеждина, издателя журнала «Вестник Европы». Николай Полевой причислял Пушкина к устаревшему на-

правлению дворянской литературы, олицетворением которого были Державин и Карамзин. Образованный филолог, Николай Надеждин называл поэму Пушкина «Граф Нулин» образцом романтического «цинизма» и «нигилистического изящества».

Противники «Литературной газеты» в один голос обвиняли Пушкина в «литературном аристократизме»¹⁴². Внешним поводом для такого обвинения было то, что газету вели барон А.А. Дельвиг, князь П.А. Вяземский, наконец, Пушкин, гордившийся принадлежностью к древнему дворянству. Вяземский напрочь отвергал это обвинение, исходившее от «полицейских» (Булгарин) и «кабацких» (Полевой) литераторов, и прибавлял, что людям «благовоспитанным и порядочным нельзя знаться с ними»¹⁴³.

Получив от Дашкова сведения о сотрудничестве Булгарина с секретной полицией, Пушкин постарался их проверить. В марте 1830 г. он процитировал в письме к Бенкендорфу слова Булгарина, хваставшегося тем, что пользуется «некоторым влиянием на вас» (шефа жандармов. — *Р.С.*). Бенкендорф и не думал отрицать связи с журналистом. Он лишь заметил, что встречается с ним редко, «лишь два или три раза в году, а последнее время виделся с ним лишь для того, чтобы делать ему выговоры»¹⁴⁴. Булгарину не было нужды часто видаться с шефом жандармов, поскольку журналист поддерживал тесную связь с управляющим канцелярией III

Отделения Максимилианом фон Фоком¹⁴⁵. По словам Н.И. Греча, Булгарин водворился у Фока «в доме и посещал его ежедневно»¹⁴⁶. В 1831 г. сам фон Фок известил Пушкина, что Булгарин и Греч – «единственные из всех литераторов, которые посещают меня и с которыми я иногда обмениваюсь литературными мнениями...»¹⁴⁷ В самом деле продажный журналист был подручным высшего чина секретной полиции.

Некоторые литературные начинания Булгарина были непосредственно увязаны с жандармской канцелярией. Пушкинская трагедия «Борис Годунов» имела шумный успех до её опубликования в печати. Поэт предполагал продолжить «Бориса» и написать историю Гришки Отрепьева. Но Булгарин затеял писать роман «Дмитрий Самозванец», надеясь опередить Пушкина. 29 декабря 1829 г. М.П. Погодин со слов барона Егора Розена сообщил С.П. Шевырёву, что пушкинского «Бориса Годунова» «удерживают в канцелярии» (управляющим канцелярии был фон Фок), пока не вышел «Дмитрий Самозванец» Булгарина¹⁴⁸. Булгаринское сочинение увидело свет в феврале 1830 г. Пушкин обнаружил в нём некоторые подробности, которые могли быть заимствованы только из текста «Бориса Годунова»: их не было ни у Карамзина, ни у других историков. Эти подробности были выдуманы самим Пушкиным. Отсюда поэт сделал вполне обоснованный вывод о том, что Булгарин писал «Са-

мозванца», имея под руками неопубликованную драму «Борис Годунов»¹⁴⁹. Опасаясь разоблачения, литератор старался сделать так, чтобы его пьеса увидела свет ранее пушкинской, что сняло бы вопрос о литературном воровстве.

Булгарин был благодарен фон Фоку за содействие и подарил ему экземпляр «Дмитрия Самозванца» с дарственной надписью, называя управляющего канцелярии «истинным другом человечества, поборником истины, добрейшим и благороднейшим»¹⁵⁰.

18 февраля 1830 г. Булгарин направил письмо Пушкину, стремясь очиститься от обвинений по поводу романа «Дмитрий Самозванец».

«Милостивый государь Аллехсандр Сергеевич! с величайшим удивлением услышал я от Олина, будто вы говорите, что я ограбил вашу трагедию „Борис Годунов“, переложив ваши стихи в прозу. ... Говорят, что вы хотите напечатать в „Литер. газете“, что я обокрал вашу трагедию!»¹⁵¹ Журналист уверял честью, что не читал пушкинскую пьесу, кроме отрывков. Но он говорил неправду.

7 марта Дельви́г опубликовал в «Литературной Газете» сугубо критическую рецензию на сочинение Булгарина. Она не была подписана, и Булгарин посчитал её автором Пушкина. И марта в «Северной Пчеле» появился оскорбительный памфлет «Анекдот», обличавший некоего французского поэта, «который долго морочил публику передразниванием Байро-

на и Шиллера (хотя не понимал их в подлиннике)». В сочинениях поэта нет ни одной высокой мысли или полезной истины; у него «сердце холодное и немое существо, как у устрицы, а голова род побрякушки»; он «бросает рифмами во всё священное, чванится пред чернью вольнодумством, а тишком ползает у ног сильных, чтобы позволили ему нарядиться в шитый кафтан... марают белые листы на продажу, чтоб спустить деньги на краплёных листах...»

Пушкину журналист противопоставлял себя как человека, верного долгу и чести. Себе он сочинил напутствие, исполненное высокомерия и плебейской грубости: «Трудитесь на поле нашей Словесности и не обращайтесь внимания на па-
сущихся животных, потребных для удобрения почвы»¹⁵².

Антон Антонович Дельвиг (1798–1831) – русский поэт, издатель.

Один из ближайших друзей Пушкина

Общество признало гений Пушкина, но не избавилось от

сомнений по поводу его репутации. Булгарин рассчитывал использовать это обстоятельство, чтобы смешать его с грязью. Он утверждал, что Пушкин торгует своими стихами, что он игрок и, более того, картёжный шулер, играющий краплёными картами, что он пресмыкается у ног сильных мира сего.

Пушкин был уязвлён низостью недавнего друга. Фактически Булгарин первым объявил войну Пушкину, и тот принял вызов. 6 апреля 1830 г. он опубликовал рецензию на мемуары Видока (Видок был осведомителем, а потом главой парижской тайной полиции), разоблачавшую Булгарина как доносчика и полицейского агента. В рецензии значилось: «Кто бы мог поверить? Видок честолобив! Он приходит в бешенство, читая неблагосклонный отзыв журналистов о его слоге (слог г-на Видока!). Он при сём случае пишет на своих врагов доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве и толкует (не в шутку) о благородстве чувств и независимости мнений...»¹⁵³

Пушкин не удовольствовался прозой и заклеил своего неприятеля в стихотворных эпиграммах. Одна из них получила самое широкое хождение в обществе.

Не то беда, что ты поляк;
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;

Будь жид – и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Заполучив эту эпиграмму, Булгарин поспешил тиснуть её в апреле 1830 г. в «Сыне отечества». При этом он лишил её жала, поставив вместо слов «Видок Фиглярин» своё имя «Фаддей Булгарин». Указание на Видока обличало Булгарина как полицейского агента. Дельвиг пытался опубликовать эпиграмму без «исправления». Но цензура воспротивилась этому. Тогда Пушкин написал другую эпиграмму, напечатанную без подписи в альманахе Михаила Максимовича «Денница» в 1831 г.:

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин.
Беда, что скучен твой роман.

Сотрудничество Булгарина с III Отделением приобрело в 1828–1829 гг. самый интенсивный характер. Журналист регулярно представлял жандармерии и царю обзоры новостей, десятками писал доносы на разных лиц. По существу, Булгарин стал негласным советником при особе государя. Николай I не только читал его донесения, но и делал на них собственноручные пометы¹⁵⁴. Однако в 1830 г. его влияние резко пошло на убыль.

Когда «Северная Пчела» напечатала ругательный отзыв о романе Загоскина «Юрий Милославский», Николай I пытался урезонить журналиста. На болгаринском письме от 25 января 1830 г. он начертил собственной рукой: «Критика не есть ругательство; ругать прилично тем, кто благородных чувств не имеет»¹⁵⁵.

Булгарин и Греч не вняли предупреждению и продолжали полемику. 30 января 1830 г. император повелел вызвать их в III Отделение и на сутки посадить на гауптвахту¹⁵⁶.

Арест Булгарина означал, что литератор лишился милости царя, а вместе с тем и поста негласного советника. Журналист прекратил составлять еженедельную «Секретную газету». Количество доносов на столичных чиновников резко сократилось¹⁵⁷. Отныне III Отделение прибегало к услугам своего агента главным образом тогда, когда занималось польскими делами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.